

Мамара Навленько

ЛАМБАДА

Повесть

Огромное житейское море незнакомого южного города равнодушно шумело вокруг неё, вздымаясь и опадая по своим законам и надобностям, и никакого дела ему не было до Алисы и её печалей. Наверное, так чувствует себя человек на необитаемом острове – никакого паруса на горизонте, никакой надежды! Ей вдруг сделалось страшно, ознобом охватило тело. Мимо сквера, в котором они сидели с дочкой уже около часа, шли возвращавшиеся с работы люди, женщины несли домой сумки с продуктами, из ближайшей школы с криками и смехом вырвались на волю подростки, мамы вели подпрыгивающих от радости детишек из садиков. Среди тысяч людей этого города не было никого, ни одного человека, к которому она могла бы обратиться за помощью или хотя бы за советом!.. Несколько часов назад родная мать с оскорблениями выгнала её из дома вместе с ребёнком. Алиса схватила дочку, выбежала на улицу, на ближайшей остановке вскочила в автобус и вышла в совершенно незнакомом месте. Теперь они сидят в этом сквере, и она не знает, что ей делать дальше. Вернуться к матери после того, что случилось, – невозможно! Ей не привыкать справляться с жизнью в одиночку, и когда пройдёт шок от случившегося, она, конечно, найдёт выход. Но у неё совсем нет времени – у неё на руках дочь, трёх с половиной лет от роду, которую нужно немедленно накормить, а вечером уложить спать... Что же ей делать, что ей делать сейчас, вот в эту минуту?! Скоро начнёт смеркаться, а ей некуда идти, у неё нет дома, нет вещей, нет денег. Наверное, можно поехать на вокзал и пересидеть там ночь. Она проверила свои карманы. Там брэнчала какая-то мелочь – на автобусный билет до вокзала, пожалуй, хватит. Даже сумочку оставила у матери... Что ещё? А! Вот, в кармане ключи от квартиры, где живёт мать. Это хорошо, что ключи у неё остались. Завтра днём, когда мать и этот... уйдут из дома, она возьмёт свои вещи. В боковом кармане дорожной сумки должно быть немножко денег... Нужно найти работу – любую, лишь бы заработать, чтобы прокормиться! Приткнуться в какое-то жильё, переждать в этой норе, перевести дух, понять, как ей быть и жить дальше... Но сейчас – что делать сейчас?!

В какой-то момент она почувствовала взгляд. Подняла глаза. На противоположной скамейке, опираясь подбородком на клюку, сидела баба-яга – согнутая худая старуха с седыми, почти серебряными, собранными в пучок волосами;

на измятом беспощадным временем лице выделялся крючковатый нос. Баба-яга внимательно смотрела на неё в упор тёмно-карими, неожиданно молодыми глазами. Доверчиво прислонившись к коленям старухи, дочка Алисы, Юлечка, грызла печенье, аккуратно прихваченное бумажной салфеткой. Баба-яга явно была чистюлей и не дала печенье в запачканные песком детские ручонки. Погружённая в свои невесёлые мысли Алиса даже не заметила, когда подошла эта старуха. Она встретилась глазами с сочувственным и вопрошающим взглядом бабы-яги и вдруг, закрыв лицо руками, неожиданно для самой себя разрыдалась.

Невероятно! Что бы с ней ни происходило, как бы ни волновалась, ни разрывалась душа, слёзы были спрятаны глубоко и давным-давно не подступали к глазам. Когда с дочерью под мышкой убежала из Москвы, захватив наспех собранную дорожную сумку, – слезинки не уронила. Когда дралась с этой сволочью – не до слёз было, убить негодяя была готова. Когда мать кричала: «Убирайся из моего дома!» – не до конца поняла, должно быть, что к матери ей уже больше не вернуться – и не заплакала. А из-за какого-то жалостливого понимающего взгляда незнакомой старухи вдруг заревела. Она закрыла лицо руками и рыдала почти беззвучно, сдерживая готовый вырваться из неё вой. Юлечка подбежала, уткнулась лицом в колени, приговаривала: «Мамочка, не плачь, не плачь! Пойдём домой!» – что вызвало у Алисы новый всплеск рыданий. Дома у них не было, идти было некуда... Всё, чего она добилась тяжкими трудами за последние семь лет жизни, – пропало, развеялось в дым, и она снова нищая, бездомная и, что ещё сложнее, – с ребёнком на руках...

Когда наконец она затихла и опустила руки, то поняла, что баба-яга сидит рядом, гладит её по плечу и приговаривает:

– А пойдём-ка, джаник, ко мне, поедим куриного супчику... Супчику поешь, сразу веселей тебе станет...

Она говорила неторопливо, с лёгким армянским акцентом, и это окрашивало её слова особенной душевной теплотой. Алиса смотрела на неё растерянно, а Юлька уже прыгала и кричала:

– Ура! Пойдём, мама! Поедим супчику! Супчику хоч! Горячего!

Алиса кивнула головой, встала и потянулась за бабой-ягой, которая шла впереди и держала Юлечку за руку. Квартира её оказалась совсем близко, в соседнем доме. Хозяйка открыла ключом дверь на первом этаже, и они вошли в крошечную прихожую двухкомнатной хрущёвки.

– Раздевайтесь, девочки, мойте руки и за стол! Вот, час назад супчик сварила в большой кастрюле, как чувствовала, что будут гости! – приговаривала хозяйка, расставляя глубокие тарелки, затем нарезала хлеб, быстро-быстро накрошила салат из помидоров, огурцов и болгарского перца.

Куриный суп в тарелках и овощи в салатнице она присыпала зеленью. Алиса опознала укроп, петрушку и зелёный лук. Остальные травы были ей незнакомы, но пахло всё так вкусно и заманчиво, что голодных Алису и Юлечку не пришлось долго уговаривать.

– И компот сварила сегодня, как знала, что будет кого порадовать! – продолжала ворковать хозяйка.

После еды Алиса подхватила было мыть тарелки, но Юлечка клонила головку к столу, и глаза у неё закрывались сами – устала малышка без дневного сна.

– Пойдём, джаник, покажу кровать, где будете спать с дочкой, – сказала хозяйка. – Тут чистое бельё давно заправлено, гостей ждёт. Да уж давно ко мне в гости никто не приезжал... и не приходил...

Алиса раздела, уложила в постель засыпающую дочь и вернулась на кухню. Хозяйка мыла посуду.

Алиса виновато ахнула:

– Я бы убрала!

– Ничего, джаник, я справляюсь пока. Садись, поговорим с тобой. Как в русской сказке, да?.. Ты меня, Баба-яга, сначала накорми, напои, а потом спрашивай... Вот я и спрашиваю, как тебя зовут?

Алиса смутилась, когда услышала про бабу-ягу, – подумала: наверное, мальчишки её дразнят... – и тихо сказала:

– Алиса.

– Красивое имя дала тебе мать. Хотела тебе счастья... нечуждого...

– А как ваше имя-отчество?

– А меня зовут Богема Герасимовна!

Это было так неожиданно, что Алиса огромным усилием воли подавила улыбку и сказала:

– Очень приятно!

– Вот кому ни скажу, в первый раз все улыбаются. А ты не улыбнулась... Скажи, это плохое имя... по-русски? Да?

– Ну что вы, Богема Герасимовна! Просто очень редкое!

– Я не спрашиваю, джаник, что с тобой случилось. Отдохни. Подумай. Если захочешь – расскажешь.

– Богема Герасимовна! Спасибо огромное вам за помощь, завтра мы уйдём и постараемся больше вас не беспокоить. Спасибо вам за доброту!

Богема Герасимовна согласно покивала головой:

– Я поняла – вы два рэбьёнка в беде. Давай ложиться спать. Вечер слабый, растерянный. Утро умное, скажет, что делать...

«Утро вечера мудренее», – догадалась Алиса.

– Возьми вот рубашку ночную, полотенце, иди в душ, вода унесёт твои печали...

Алиса разделась в ванной и вдруг почувствовала, что её бьёт озноб, – не заболеть бы. Долго стояла под горячими струями воды, согрелась, а когда легла в постель, мгновенно провалилась в сон.

Проснулась среди ночи. В соседней комнате горел свет, там кряхтела, тихо постанывая, хозяйка. Алиса встала, прошла в её комнату.

– Что случилось, Богема Герасимовна, что-то у вас болит?

– Всё болит, джаник, всё болит... Старая стала... радости нет...

«Старость не радость», – перевела Алиса. Богема Герасимовна явно любила вернуть русские поговорки, пересказывая их по-своему.

– Давайте я попробую помочь вам. Сделаю небольшой массаж... Где больше болит?

– Вот тут! И тут... и вот ещё тут! – показала хозяйка на шею сзади, на плечи, на поясницу. – Если можешь, сделай, джаник, хоть что-нибудь...

Алиса про себя порадовалась, что жизнь свела её с соседкой Валею – медсестрой и профессиональной массажисткой. Валя, хорошо подрабатывающая

массажем, показала ей некоторые приёмы, нужные точки, подходы и даже, когда было много работы, брала её с собой к клиентам. Алиса, всегда уважительно относившаяся ко всякому знанию и умению, слушала подругу очень внимательно и кое-чему у неё научилась.

Алиса попросила хозяйку снять ночную рубашку и лечь на живот. Энергично растёрла свои ладони, согревая их. Готовила себя к работе, собирала себя, переливала в руки свою силу и молодость, добавляла сочувствие и благодарность к этой старой, странной даже женщине, не побоявшейся привести в дом незнакомого человека. На тумбочке лежал тюбик с детским кремом. Очень кстати... Худенькое, поношенное жизнью тело доверчиво распласталось перед ней, и сердце Алисы защемило жалостью. Сначала она несколько раз легко прошлась ладонями по всей спине – погладила, приласкала эту горбатую спинку, чтоб не напрягалась, чтоб расслабилась. И услышала, как под её руками напряжение постепенно отпустило мышцы, как доверилось ей тело старой женщины. Алиса прочувствовала пальцами её заостривший позвоночник, лопатки, рёбрышки, дряблые мышцы. Да, действительно, старость – не радость... Конечно, всё надо сделать легко, мягко, вполсилы... Если не убрать, то хотя бы ослабить боль... Она осторожно перемещала ладони вдоль спины, по позвоночнику, по лопаткам, по пояснице, и раз, и другой, и третий... И ещё, и ещё... Прощупывала косточки, осторожно разминала мякоть тела. Напоследок снова медленно погладила, приласкала спинку. Помогла старушке сесть, надеть рубашку.

Богема Герасимовна покрутила головой, вздохнула и недоверчиво прошептала:

- Джаник, девочка, не болит у меня шея, и голова не болит!
- Вот и хорошо, Богема Герасимовна! Спокойной ночи!

* * *

Алиса легла рядом с разметававшейся Юлечкой, закрыла глаза, но сон не шёл.

Прошлая её жизнь уместилась всего лишь в двадцать пять лет. Она могла вытащить воспоминание о любом событии своей жизни, важном или пустяковом, рассмотреть его, подумать о нём. А может быть, пустяковых-то и не было – всё было главным и судьбоносным, просто она этого не понимала. Ведь каждое событие, поступок, желание, мысль лепило, формовало её судьбу. У неё было так мало прошлого, и такое огромное по времени будущее... Какое будущее?! Сейчас она снова, в который уж раз, столкнулась с Непреодолимым, упала духом, и, казалось, это Непреодолимое – ей не по силам, не по уму, не по возрасту, не по одиночеству, и будущего никакого нет – при равнодушии к ней окружающего мира... И тут же усовестилась – какое равнодушие?! Незнакомая женщина пришла ей на помощь, ей снова дано понять, что она живёт под защитой неведомых сил. Она никому и никогда этого не говорила, но иногда ощущала рядом будто невидимого покровителя. Ангела-хранителя?

Она была дочерью скромной кассирши-бухгалтерши из ЖЭКа, которая подрабатывала ещё и уборщицей, и жили они с матерью вдвоём в крошечной однокомнатной квартирке высотного дома, возле мусоропровода. У неё не было отца, и она не знала, кто он. С раннего детства она была окружена россыпью случайностей жизни, показывавшей ей, как, впрочем, и каждому человеку, что, как и зачем. Много чего показывала... Алиса же, как птица, инстинктивно

неосознанно выклёвывала нужные и полезные именно ей зёрна человеческого бытия.

Алиса не была похожа на свою темноволосую, ширококостную, высокую мать – видную женщину, как говорится, всё при ней. Дочь была хрупкой, изящной, тонкой, быстро росла, тянулась вверх. Позднее, уже в старших классах, стала догадываться, что похожа на отца, и от него у неё эти весёлые пышные золотистые волосы, тонкие щиколотки и запястья, изящные кисти рук, длинные пальцы... Не материнские трудовые лопаты... Вспомнила, как нечаянно подслушала словно бы недовольную, но и произносимую с некоторой гордостью, а пожалуй, и с надеждой фразу матери: «Ничего! Ничего не взяла от нашей породы! Вся в отца! А ему и горя мало, и интереса нет, своё дело мимоходом сделал и забыл»... Уже взрослой Алиса думала об этом: неведомый мужчина бросил семя в горшок с плодородной землёй, которая давала ей питательные вещества для физической жизни, – а всё остальное она взяла из семени. Что ж, и за это спасибо, могла бы вообще не появиться на свет! А жизнь она любила. И с трудностями её пока справлялась.

Мать с малого возраста учила её работать руками: убирать, подметать, стирать, мыть посуду, полы, позднее шить и вязать. Учила тому, что знала сама. Говорила, мол, будешь уметь работать руками – никогда не останешься голодной. Это было изначальное, главное, что мать знала о жизни. И Алиса старалась. Когда пошла в первый класс, толком не понимала, зачем? Что ж, все дети идут в школу, значит, и ей нужно. Буквы все выучила в садике, но в слова они не складывались. У них в доме не было ни одной, даже детской книги, не было газет.

Мать подрабатывала везде, где только можно, в том числе подметала и мыла лестницы в подъездах своего дома. Соседи нахвалиться не могли, какие у них чистые лестницы, и подоконники в цветах, – и благодарили мать, и платили ей за уборку. Немного, конечно, кто сколько мог, но каждая копейка им с дочерью нужна и была заработана честно. Попадались, правда, и такие, кто платить не хотел – мол, мы и не мусорим! Что поделаешь! В суд не подашь... Маленькая Алиса гордилась своей матерью, ведь её так хвалили! Мама была самая лучшая, самая главная на земле!

Однажды, когда Алиса в подъезде самозабвенно махала веником, мимо неё прошли новые соседи с третьего этажа – нарядная женщина с девочкой Мариной, одноклассницей Алисы. Пропуская их, Алиса перестала мести, чтобы они не запылились, – мать всегда так делала. И услышала, как на ходу женщина назидательно сказала дочке:

– Посмотри, какая хорошая девочка, как она помогает своей маме!

– А что, её мама плохо училась?

– Почему ты так думаешь?!

– Ты же сама мне говорила, что если я буду плохо учиться, то кроме уборщицы из меня ничего не получится. Ты сказала: кто ленится, не умеет или не хочет работать головой, работает руками. Алисина мама плохо училась?

Они поднимались с этажа на этаж, их голоса были едва слышны. Алиса притихла, напрягла слух, даже прокралась выше на один пролёт лестницы. Ведь говорили о них с мамой!

Женщина немного смущённо засмеялась и сказала:

– У каждого человека свои обстоятельства жизни... Учиться же всё равно надо старательно... каждый день. Если Алиса будет хорошо учиться, она станет, кем

захочет. А если будет учиться плохо, выбора у неё не будет... Может, придётся тоже быть уборщицей, как мать...

Что-то она говорила ещё, Алиса уже не слышала, но этот подслушанный разговор дал ей толчок к новому осмыслению жизни. Хотя она и слов-то таких не знала. Мама, оказывается, не самый главный человек на земле, и не такая уж у неё уважаемая работа... Закончив подметать определённый ей матерью пролёт, Алиса вернулась домой, села за стол, открыла букварь. Ну как тут будешь хорошо учиться, если буквы никак не складываются вместе! В школу она всегда шла с тоской. В классе было всего несколько учеников, которые не умели читать. Учительница была недовольна, девочка стыдилась, боялась учительницу. Боялась даже букваря! И сейчас она смотрела на букварь с опаской, но что-то вдруг начало расти в ней, какое-то упрямство, гнев на себя и на букварь, ей стало жарко, потом охватило ознобом. Эти чувства никак не могли вылиться в слова, но, наконец, она их исторгла из себя, не ведая, что выкрикнула главное заклинание своей жизни: «Я – сильная! Я сильнее тебя! Я тебя не боюсь!» Она снова пыталась произносить: М-А-М-А... снова и снова мычала буквы по отдельности. Потом вдруг прочитала: МА-МА. Повторила ещё раз, поняла: МАМА! Потом дальше: МЫ-ЛА – МЫЛА! И дальше вдруг открылось: РАМУ! Радостно, счастливо сверкнуло: «МАМА МЫЛА РАМУ!» Какое счастье – буквы сложились в понятные слова. Уж это-то было ей знакомо! Её мама очень часто мыла рамы – свои и чужие!

На следующий день учительница похвалила Алису. Она была счастлива, её труд не пропал даром, она впервые преодолела себя, заставила сделать то, что не нравилось, что было ей неинтересно, чего она боялась. А это оказалось таким важным, таким интересным! Она победила! С тех пор она не то чтобы поняла, но, как зверёк, почувствовала, что самая главная, самая сладкая – победа над собой, преодоление себя, победа над своим страхом и ленью. Хотя выразить этого пока не могла.

С Мариной они подружились, ходили вместе в школу и из школы, а однажды новая подруга после уроков пригласила её к себе домой. Алиса зашла и обомлела. Это было так не похоже на их с матерью квартиру... У них в крошечной однокомнатной квартире было только то, что необходимо для жизни: в кухне столик, подвесная полочка с посудой возле мойки, на окне занавеска из старой маминой юбки. В комнате старый раскладной диван, который отдал кто-то из знакомых. Диван однажды разложился и больше не складывался, был он широкий и удобный, на нём они и спали вместе с мамой, немножко только пружины вылезали, но мама закрыла диван двумя где-то раздобытыми толстыми солдатскими одеялами, а уж сверху простынку, и никаких пружин даже не чувствовалось. Постель застилали покрывалом. На широком окне тоже ситцевая в цветочек занавеска. В комнате стол и три стула, которые тоже отдали матери с работы в конторе ЖЭКа... В квартире Маринки в прихожей стоял вдоль стены шкаф, в котором висели пальто, на нижней полочке в порядке стояли домашние тапочки. В кухне такие ладные шкафчики, холодильник, кухонный стол накрыт красивой клеёнкой, на нём деревянная расписная хлебница, на окне весёлая занавеска в маках. И так радостно, так уютно, что хотелось улыбаться. В комнатах и спальне красивая мебель, на окнах лёгкий узорчатый тюль и тяжёлые серебристые шторы. Красивый серо-голубой ковёр лежал на полу! А её мама как зеницу ока

берегла ковёр, который ей выделили по очереди от профсоюза, даже вообразить себе было невозможно, что по этой красоте можно ходить ногами! Он висел на стене над диваном... Но – самое интересное! – стены от пола до потолка были заполнены полками с книгами. И это было загадочно и очень красиво. Неужели все эти книги они читали?! Алиса ещё не знала, что все эти книги прочитает и она и что их будет ей мало. Что она со временем станет книжной «алкоголичкой». Ни дня без прочитанной строчки!

Уже позднее она поняла своё смятение, изумление, восторг! Алиса увидела ДОМ, которого у неё не было, который люди любят, украшают, и в нём достаток, уют и вкус. Всю дальнейшую жизнь она мечтала создать такой же ДОМ, в котором будет уютно, красиво и счастливо. Как у Маринки... И уже получалось. Был муж, дочка, квартира – да, однокомнатная, не шикарная, но честно заработанная. Уже было место на земле, своя норка, где тепло, уютно и безопасно, чтобы отдохнуть, собраться с силами и идти дальше. И не где-нибудь, а почти в Москве, на электричке полчаса. Так было намечено ею ещё в двенадцать лет. И тоже благодаря чужому, нечаянно подслушанному разговору. Но всё пропало... Может, и не пропало, но на грани...

Вспоминала... Смотр-конкурс художественной самодеятельности городского дома культуры продолжался неделю. В предпоследний и последний день комиссия оценивала бальные танцы. Во второй половине дня показывались дети до четырнадцати лет. Двенадцатилетняя Алиса не волновалась – вернее, волновалась и чувствовала себя неловко, но только до того момента, пока не начинала звучать музыка. Музыка танца была как река, в которую она входила, и уже не Алиса управляла своим телом, а оно ею управляло. Её руки ноги, плечи, шея, глаза сами делали всё, что нужно. Она даже не понимала, как может быть иначе. Она чувствовала, что руководительница кружка бальных танцев, Лариса Алексеевна, которую за глаза дети называли Ларисочкой, была ею довольна, выделяет её из всех, но никогда этого не говорит вслух, только одобрительно улыбается и кивает головой, когда вызывает её с партнёром повторить какой-либо сложный для других элемент танца.

Последним танцем была ламбада. Её танцевали вне конкурса – кто хотел, кто умел, просто, чтобы для самих себя обозначить окончание испытаний, поставить точку, забыть волнения и повеселиться. Новый этот танец недавно вошёл в моду, и многим казался необычно раскованным, каким-то развязным. Не все решались, а скорее всего, не все умели его танцевать. Кто-то стеснялся, кто-то боялся. Люди родились, выросли, жили в мире запретов и ограничений. К ним относились как к неразумным детям, и хотя давно уже никто не запрещал, например, танцевать фокстрот, как рассказывала Маринкина бабушка, но этот новый танец вызывал сомнения. Однако он завоёвывал всё больше поклонников. Алисе нравился этот весёлый, словно бы дикарский танец. Своей чистой душой она ещё не понимала, что его движения можно понимать превратно. И она танцевала свою детскую фантазию на тему мелодии, такой необычной и задорной, зажигающей внутри радостный весёлый огонёк, который придавал её движениям силу и изящество. Все ждали ламбаду. И вот она зазвучала, эта призывная, увлекательная мелодия, как журчание быстрой горной речки. Алиса с партнёром вошли в неё, и речка понесла их по камешкам, по кочкам и порогам, только успевай поворачиваться. А слова, слова!

У этого причала я девчонку повстречал,
 Словно шторм в двенадцать баллов моё сердце раскачал,
 Мне кричат: «Отдай швартовы!» – ничего не слышу я,
 Красотою околдован, красотою околдован, я снимаюсь с якоря!

Ах, как было славно, отчаянно весело это танцевать! Зрители, преподаватели, родители окружили танцоров, которые постепенно сходили с дистанции, пока наконец, осталась только их пара – Алиса и Алешка. Они дали себе волю и фантазировали, и выделяли такие фигуры, которым их и не учили, и в танце эти подростков была только щенячья радость жизни, о которой они ещё знали так мало, и оттого в танце их не было ни сексуальности, ни призыва. Это была не латиноамериканская ламбада, а её детская интерпретация. Ларисочка предварительно развязала ленту, которой были стянуты и спрятаны в пучок пышные волнистые волосы Алисы, расчесала их, и они золотистым ореолом вспыхнули возле её оживлённого лица, оттенили серо-зелёные глаза, счастливую улыбку, не сходящую с розовых губ. Алёша был старше неё на два года, учился уже в восьмом классе. Его задачей была подать партнёршу как принцессу, и во всех танцах он исполнял это рыцарски блестяще, они уже умели чувствовать и понимать друг друга без слов. Да что там говорить – лучшая пара! Зрители аплодировали, улыбались, любители бальных танцев уже знали эту подающую большие надежды пару – Алису и Алексея. Они были созвучны друг другу, как и их имена. И когда они, наконец, окончили танец и поклонились, вспыхнули аплодисменты, зрители благодарили танцоров, ведь всем было весело и счастливо, словно каждый, вне зависимости от возраста, танцевал вместе с ними.

Оживлённая Алиса прибежала в раздевалку, переделалась, аккуратно сложила костюмы в шкафчик, надела своё скромное пальтишко, старенькие сапожки, полудетский, как она сама уже понимала, дурацкий капор, под которым исчезли её волшебные волосы, и вышла в вестибюль, где стояла огромная очередь в раздевалку. Счастливое, праздничное настроение не покидало её, а внутри у неё звучала ламбада: та-а-а рарарара тарарара тара тарара!.. Где-то здесь должна быть Маринка, они условились, что пойдут вместе домой. Маринки всё не было, Алиса повернулась к витринным окнам вестибюля: может быть, подружка оделась и ждёт её на улице? Но на улице, где по-зимнему быстро темнело, Маринки тоже не было видно. Может, она уже ушла?..

Вдруг Алиса услышала за спиной голоса:

– Ну что... видел? Я тебе ещё вчера о ней говорил...

– Видел, конечно! Какая девчонка... талант! В Москву её надо, в училище при Большом театре.

– Я сегодня с утра расспросил эту Ларису, кто да что. У девчонки отца нет, мать кассир в ЖЭКе, ещё уборщицей подрабатывает... Какая там Москва! А в школе учится отлично! Талант – это одно. Ты представь, какая это будет лет через десять женщина! Как в ней всё ладно и складно заложено! Вот когда будет опасно её встретить!

– Ты прямо как Гумберт Гумберт! Влюбился?

– Ошибаешься. Это не из той оперы. Я люблюсь бутонем, который обещает стать изысканным цветком.

– Ишь ты, как запел! Ну, лицо-то её не обещает классической красоты!

– Да и не надо! Классическая красота прекрасна, но скучновата, все красавицы чем-то похожи друг на друга. В лице должна быть индивидуальность, притягательность, непонятно почему – а глаз не отвести! Ты видел, как она двигается, наклоняется, поворачивается? Она как кошка – каждое её движение бесконечно изящно. В каждой позе её можно фотографировать, рисовать, лепить – и это будет прекрасно!

– Нет, ты определённо влюбился. Лариса-то на тебя поглядывала, а ты вот девочку предпочёл.

– Дурень ты, Пашка! Ничего ты не понял! Я просто счастлив, что увидел такую девочку. Алмаз необработанный! Отличница! В Москву ей надо ехать... После окончания школы – в Москву! А то пропадёт здесь, поднимется, конечно, выше матери, станет начальником ЖЭКа... Выйдет замуж за дурака, который будет ещё и руки распускать. В Москву ей надо, в Москву! А эта привязчивая ламбада так и звучит внутри... Ладно, пойдём в гостиницу, поужинаем в ресторане, да и спать завалимся. Тяжёлая была неделя!

И уже отходя, он потихоньку напевал ламбаду. Они не обратили внимания на простенькую маленькую девчужку в детском капоре. Не узнали принцессу в Золушке. Алиса догадалась, что говорили о ней. Не-ет, она не останется здесь и не станет начальницей ЖЭКа! И за дурака замуж не выйдет! Может быть, и совсем не выйдет, зачем они, эти мужчины в доме?.. Неужели для того ужаса и стыда, о котором рассказывала ей шёпотом Маринка? Нет, она этого не допустит! Алиса выскочила на улицу, побежала вприпрыжку домой, и внутри у неё мощно и победно звучала ламбада. Она ещё не знала, что этот ритм, эта привязчивая мелодия будут звучать внутри всегда, когда ей улыбнётся удача.

Она на всю жизнь запомнила этот разговор чужих людей о ней. Одному из них было всё равно, а другой желал ей добра. Как же его взять, это добро?

Первое и главное, самое привычное – учиться! Не такая уж она отличница, четвёрки проскакивают. Да, русский и английский язык даются ей легко, геометрию она почему-то хорошо понимает, а с математикой, физикой, химией ей труднее. И оттого, что эти предметы даются ей труднее, надо их учить усерднее. Она побаивалась этих уроков, а это неправильно! Как это она тогда сказала своему букварю: «Я тебя не боюсь! Я сильнее тебя!» И букварь сдался. Так надо и эти предметы победить! Вдруг сверху крупными хлопьями повалил снег, посветлело, показалось, что даже расступились, сдались зимние сумерки, сквозь которые пробивалась домой маленькая девчужка в стареньком пальтишке, в детском капоре и дырявых сапожках, строившая планы своей дальнейшей жизни. Она не хотела оставаться в этом городе и выходить замуж за дурака. Никогда! Она учится в шестом классе. Впереди у неё пять лет, пять коротких – и таких долгих школьных лет. Она должна взять за эти годы как можно больше. Это как строить дом! Она видела, что сначала кладут мощный фундамент, а потом уж на нём, как на корне, растёт и держится большой красивый дом. Так и ей сейчас нужно растить надёжный фундамент своей будущей жизни.

* * *

Мать открыла ей дверь с причитаниями: «Да ты же вся в снегу, да ты же простудишься! Да зачем тебе нужны это дурацкие танцы? Что с них толку! Ламбада у них там, ишь ты! Училась бы лучше строчить на швейной машине! У вас же

курсы открываются в Доме культуры! Вот ведь мне премию дали к Октябрьским, да ещё скоплено немножко. Подруга, кассирша, собралась уезжать отсюда и хочет продать почти совсем новую швейную машинку... И не так дорого! Вот давай купим, научишься на ней шить и будешь всегда красиво одета, а то и заказы будешь брать, подрабатывать... И мне, может, со временем чего-то сошьёшь! А то какие-то танцы-шманцы-обжиманцы! Зачем они тебе нужны?..» Так приговаривала мать, Катерина Матвеевна, которая желала своей дочке только добра. Ну, что ж, подумал двенадцатилетняя Алиса, можно и шить научиться. Не помешает... И когда мать, на что-то досадуя, говорила: «Ах, ламбада тебя побери!» – Алиса хохотала!

Шить она научилась лет в четырнадцать, действительно быстро и успешно. Женщина-мастерица, которая им преподавала шитьё и выкройку, не могла нахвалиться: «Да ты у нас модельером будешь, девочка! Не бросай это дело!» Швейное дело давалось ей легко, потому и гордиться особенно было нечем. Только увидев выкройку, уже представляла, как это будет выглядеть в материале. Но физика, математика, химия... У неё не было выхода, и она начала просто зубрить, запоминать новый материал. И однажды вдруг почувствовала, что вызубренное ею, казалось, со скукой и трудом, вдруг как-то ловко улеглось в память, составив одно целое с прежним материалом, и новые формулы просто спокойно и навсегда занимали подготовленное место. И опять тот же урок, что с букварём. Новое начинать трудно, но надо сделать усилие, впустить это скучное, ненавистное, ненужное в себя, сделать его своим. И вот тебе благодарность – ты понимаешь, ты ориентируешься, ты не боишься, что тебя вызовут к доске, ты всегда готова отвечать. И все новые сведения спокойно ложатся на подготовленную базу. Своим умом она дошла до этого, сама, хотя и не могла выразить в словах. И ей стало легко, и времени на уроки она стала тратить меньше, потому что в школе надо внимательно слушать объяснения учителя, как бы нудно и скучно это ни казалось. Это была работа, и она исполняла материнский суровый наказ: «Работать надо!» Да, надо. И не только руками, но и головой. Ещё неизвестно, что важнее, наверное, важнее, когда вместе...

У неё был дом, мама, подруги, из которых самая близкая Марина – как сестра, школа, учителя, библиотека. У неё не было отца... Мать никогда не говорила про отца, у них не было ни одной его фотографии... Однажды мать была особенно в хорошем настроении: перед каким-то праздником ей дали почётную грамоту и денежную премию, она пришла домой счастливая и немножко выпившая вина на работе – перед праздником их бухгалтерия позволяла себе дружеские посиделки. Мать пришла румяная, веселая. И Алиса вдруг увидела, что мать красивая. Да, красивая, крупная, сильная женщина! Алиса смотрела на мать с изумлением. Раньше она никогда даже и мысли такой в голове не имела, красивая мама или нет. А тут – словно ей глаза протёрли. Мать вошла с морозца, румяная, в новой голубой норковой шапочке, на которую долго копила деньги, и она так ей шла! В новом синем зимнем пальто с таким же, голубоватой норки воротником. Сколько лет она копила деньги на это пальто, шапочку, сапожки! Неравнодушный к ней слесарь ЖЭКа сказал вдруг: «Ну, Катерина, ты прям как боярыня Морозова!» И все засмеялись, и с тех пор это стало её прозвищем, которое мать совсем не обижало.

Мать разделась, присела на диван, обняла примостившуюся рядом Алису. И так хорошо было сидеть рядом с мамой под её рукой, как под крылом. И Алиса вдруг спросила то, что прежде боялась произнести вслух.

– Мамочка, давно тебя хочу спросить, только стесняюсь... Кто мой папа? Он живёт в нашем городе?

И почувствовала, как пьяненькая мать вздрогнула всем телом и заплакала, запричитала:

– Ой, да за что ж мне горе такое, позор такой на себе носить! Что ж я, разве хуже других баб! Ну, хоть бы весточку какую прислал, нет, малой денежкой отделявается. Не хочет он, деточка, знать нас с тобой, мы для него грязь под ногами... И ты, дочка, учись отлично. Если когда тобой поинтересуется отец – тебе будет чем гордиться! А может, он тобой и интересуется, мы ведь ничего не знаем... Немного чего он для нас сделал, но всё-таки. И квартира эта благодаря ему, и работа моя... Вытащил меня из уборщиц. И курсы бухгалтерские я из-за него окончила. Он – большой человек, Алиса...

Замолчала. Вспоминала... И всё вроде не сам, всё вроде профсоюз. Сначала ей дали в общежитии отдельную комнатку под лестницей. Маленькую, но отдельную, всё своё! И на курсы бухгалтеров её устроили, и она справилась! Но всё вроде бы он ни при чём! Всё профсоюз заботился о матери-одиночке. И этому товарищи завидовали, голову ломали, вроде и любовника нет, а покровительство есть... И она молчала. Да и дочери всего не скажешь...

Когда это у них случилось, он слегка пьяненький был, праздник какой-то начальство отмечало. Он зашёл в свой кабинет, вроде бы вспомнил, что ключи от квартиры оставил. Она полы в его кабинете домывала. Он в столе бумагами шуршал и на неё поглядывал. Потом сейф открыл, вынул початую бутылку коньку, налил стопочку, выпил, закусил кусочком, отломленным от плитки шоколада. Ей предложил: «Хочешь глоточек?» Она испугалась, головой замотала – нет-нет! «Ну, как хочешь!» Улыбнулся, посмотрел на неё внимательно, подошёл и повернул в двери ключ. Она оробела, молчала, а ведь невинной девушкой была, деревенской. Не сопротивлялась, не закричала. Так всё и случилось. Заплакала только, больно было. Обидно. Хоть бы слово какое сказал. Словно она скотина бессловесная. Нравился ей этот большой начальник... Может, он это давно чувял, а тут расслабился после банкета. Не первый раз он на неё поглядывал, пошучивал: «Катюша... Катюша... расцветали яблоки и груши...» Да что там говорить, не было женщины в городе, которой бы он не нравился... И начальник самый большой, и собой хорош! Кудрявый мужчина лет сорока с рыжиной в волосах, весёлый, остроумный. И фамилия нерусская. Из Москвы прислали, а туда, говорят, вроде из Прибалтики взяли... Все в городе знали и его красавицу-жену, горячку, и любовницу, врачиху, полненькую брюнетку. В маленьком городе ничего не утаишь... И чего он на деревенскую девку польстился?! Правду сказать – не девка, а ягода наливная! Бывает, наверное, французские коньяки пьёшь, невиданными яствами закусываешь. А вдруг захочется просто дёрнуть стакан водки и чёрным хлебом с салом заесть... И когда уж сам очнулся, протрезвевший, предупредил: «Если кому скажешь, на следующий день тебя вышлют из города как проститутку! Будешь молчать – помогу, чем смогу. – И пробормотал: – Пронеси, Господи». Он же понял, что она девушка. Не пронесло...

Парни за ней хвостом бегали. У неё уж живот заметно было, а один всё уговаривал замуж за него пойти. Уедем, говорит, никто и знать не будет!.. Не пошла. Не нравился он ей. А нравился очень этот начальник. Он её и не замечал, вроде как забыл. Но не забыл, наверное, – скоро её перевели в другое здание полы мыть

От соблазна подальше убрал. А она мечтала, мол, увидит ребёнка и женится на ней... Дура была... Но, видать, всё-таки в голове держал, подошли к ней из профсоюза и определили на бухгалтерские курсы, как раз с её восьмилеткой... Училась она в школе хорошо. Освоила и курсы!.. Она к нему позднее беременная на приём пришла, просила отдельную комнату, ей рожать скоро. Спросил, сколько человек в комнате живёт, когда назначены роды... Помолчал, подумал о чём-то, может, срок подсчитывал. Пообещал. Через неделю ей уже дали эту комнатку в общежитии. А уж потом, месяца через два, когда Алиса родилась, дали однокомнатную квартиру в новом, только что отстроенном доме.

Не сам дал, профсоюз её под крыло взял – такая хорошая работница, да ещё мать-одиночка! Нуждается человек в помощи! И ясли одинокой женщине нужны, и садик. Бабушка Катерины из деревни приехала к родам, плакала, ругалась, а всё ж таки помогла с ребёнком. А ведь и неизвестно, с кем и когда нагуляла! Чей ребёнок?! Молчит и всё! Отстали уж потом от неё, привыкли. Бабушка на лето в деревню правнучку забирала. Большого начальника в Москву перевели работать, исчез для неё этот человек – как не было никогда. Почудилось. И больше уже к главному управлению даже ни разу не подходила, бухгалтером в ЖЭКе работала и деньги выдавала. Очень тщательно и честно работала. Люди её уважали.

Ну, насчёт денежек мама немножко слукавила. Раз в два-три месяца получала она до востребования некоторую сумму денег, иногда больше, иногда меньше, посланную человеком с непонятной фамилией, и аккуратно складывала квитанции вместе с деньгами в картонный пакет, потихоньку приговаривая: «Это твоё приданое, доча...» Негусто было. Но всё-таки...

Так и жили дочь с матерью. Никого из мужчин мать себе не заводила. То ли не нравились они ей, то ли берегла себя для кого-то. Домой она никого не приводила, и если кто и был у неё, Алиса этого не знала. А замуж всерьёз её не звали. Кто знает, если б позвали... Очень ей хотелось быть простой законной мужней женой. Пока не получалось. Но берегла себя. Не по себе хочет дерево срубить... – сплетничали про неё женщины на работе. Запросы были большие – хотела простого доброго человека. Что-то не клеилось.

* * *

Училась Алиса отлично, да только медали ей не дали. В сочинении лишнюю запятую поставила, по математике где-то в примере минус с плюсом перепутала. Пойди докажи. Так в аттестате две четвёрки нарисовались. Поплакала в одиночку, но виду никому не показывала. Маринка тоже получила две четвёрки. Катерина Матвеевна очень расстраивалась, даже плакала.

Алиса её утешала:

– Мама, ведь мои знания при мне остались, поступлю я в институт, не переживай! Ну, не поступлю – работать пойду!

– Куда?!

– Да хоть в столовую, посуду мыть!

Мать заплакала ещё сильнее...

Куда поехать, вопрос не стоял – в Москву, конечно. В институт иностранных языков – это и давалось Алисе легко, и было интересней всего. И Маринка туда же поступала. Она с родителями тоже собралась в Москву, но вылетели они раньше, самолётом. Алиса же долго пилила в поезде, мать отправила её

со знакомой семьёй, ехавшей в отпуск. Подругу Маринку увидела только на какой-то консультации. Рада была ей бесконечно, бросилась её обнимать, радость какая – родная подруга среди толпы чужих людей! Так случилось, что записали их в одну группу. Маринка тоже обрадовалась ей, но была какая-то сдержанная. Наверное, ей родители объяснили, что была Алиса ей подруга, а теперь соперница. Алиса не могла ещё тогда этого понять и болела за подругу, как за себя. Маринка жила с родителями у родственников, а Алисе дали место в общежитии. Девчонки в общежитии говорили: чтобы поступить, все экзамены нужно сдать на отлично. Жуть...

Начались экзамены. Первым экзаменом был английский. Строгая комиссия сидела за столом. Алиса не чувствовала страха, но напряжение было. Маринка рядом была спокойна, чему Алиса подивилась: обычно Маринка тряслась от страха, хотя виду не подавала, но Алиса-то хорошо знала подругу и сейчас порадовалась её спокойствию. Они уже взяли билеты и сидели, готовились. Билет Алисе не показался трудным, она справилась с ним быстро, но решила выждать и послушать остальных.

Молодой человек из комиссии встал и спросил:

– Может, кто-нибудь уже готов?

К великому удивлению Алисы, Маринка вдруг встала, подошла к столу, где сидел этот молодой человек. Он мило улыбнулся и сказал:

– Ну-ну, выслушаем самую храбрую девушку...

Алиса слышала ответ Маринки и радовалась за неё. Маринка отвечала спокойно, не ошибалась, а когда закончила ответ по билету, экзаменатор стал задавать ей вопросы. Вопросы были нетрудные, но Маринка иногда задумывалась, молодой человек задавал ей наводящие вопросы, и Маринка довольно спокойно выкарабкивалась из них. В конце молодой человек, улыбаясь, взял её зачётку, поставил оценку, сказал: «Поздравляю вас с первой отличной оценкой!» Алиса была счастлива и решила, что тоже пойдёт отвечать к нему, такой доброжелательный человек! Совсем не страшно!

Она собрала свои бумажки и прошла к тому же столу, где только что сидела Маринка, подняла глаза на преподавателя и, удивившись, даже оглянулась, не ошиблась ли она. Строго и пренебрежительно на неё смотрел совершенно другой человек. Собравшись с духом, она стала отвечать ему на билет. Она была уверена, что отвечала правильно, но он ни разу не поощрил её даже кивком головы. Где же те улыбки, который он расточал Маринке? После ответа на билет он начал задавать вопросы. Она не понимала вопросов. Позднее она поняла, что это были вопросы из институтской программы. Ужас сковал её, она молчала.

– Ну, что же вы? Вы же пришли поступать в институт иностранных языков!

Алиса молчала. Он взял её экзаменационный лист, подумал, покрутил ручкой, что-то написал, расписался, протянул ей. Алиса взяла листочек, вышла из аудитории. В коридоре поискала взглядом Маринку. Её не было. Она заглянула в листочек. Там было написано «удовлетворительно». Можно было возвращаться обратно. В общежитии она рухнула на постель и лежала без движения, пока не пришли девчонки. Её выслушали молча, дали стакан сладкого чая, кусок булки, и одна из них, сдающая в этот институт уже третий раз, посоветовала:

– Сдавай дальше. Если остальные предметы сдашь хорошо, может, возьмут куда-то ещё, в другой институт. В любом случае будешь опыт иметь. В обморок

не падай, борись. Хорошо ещё не двойку поставил, видеть, ещё остатки совести есть. А в школьном аттестате пятёрка? Я так и думала.

Остальные экзамены она сдала неплохо: две пятёрки, одна четвёрка. Проходной балл сиял на недостигаемой высоте. Она бросилась в другие институты, хоть куда-нибудь, не пропадать же году! Потом осматрится и перейдёт на нужный факультет, институт. Но не везло, не везло, не везло... Сейчас бы в Москве при деле остаться... Она видела, что почти все абитуриенты были с родителями. Это было понятно – решалась человеческая жизнь... С Маринкой всё было кончено, у неё была заранее обдуманная родителями дорога в жизнь. Они остановились у своих родственников. Алисе даже не дали телефона. Её вычеркнули из жизни, казалось, такой близкой семьи... Алиса заходила в помещение приёмной комиссии, ей улыбались, но когда понимали, что девчонка одна, да ещё ей чего-то надо, улыбка с лица человека приёмной комиссии пропадала или становилась просто насмешливой. И часто разговаривали с ней небрежно, снисходительно, так и прочитывалось на этом лице: «Ходят тут всякие...»

Рано утром она поехала в институт в Подмоскowie, дрожа от страха и напряжения, зашла в приёмную комиссию. За столом сидела одна женщина и что-то писала. Лицо её показалось редкостно добрым и спокойным.

Алиса обратилась к ней:

– Простите, пожалуйста, можно мне с вами поговорить?

Женщина подняла глаза, некоторое время молча смотрела в лицо Алисе и тихо, спокойно ответила:

– Давайте поговорим...

У Алисы перехватило горло, и она молчала.

Женщина улыбнулась:

– Говорите, я вас слушаю внимательно...

И Алиса начала говорить, сначала сбивчиво рассказала, откуда она приехала, показала свой почти весь пятёрочный аттестат, рассказала про неожиданную тройку по английскому, про желание учиться – на вечернем, на заочном, на той специальности, которая у них есть. Ей нельзя возвращаться домой, это удар по матери.

Женщина внимательно посмотрела и аттестат, и экзаменационный лист, спросила её про семью – видимо, прониклась, сказала вдруг:

– Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям...

– ...чтобы стать силой, надо сделать то же самое, – продолжила Алиса цитату из Толстого.

Женщина засмеялась, подобрела, видно было, что она сама увлеклась разговором, а может, просто прощупывала интеллект девчонки. Интеллект был на хорошем уровне. И симпатия между ними явно возникла: «Мы одной крови – ты и я».

И тогда, помолчав, подумав, женщина сказала:

– Мы можем предложить вам вечернее отделение социологического факультета. Осталось местечко... И я вам искренне советую туда поступать, мы возьмём вас с вашими отметками. У вас будет хорошая профессия. Язык там тоже преподаётся, но если захотите выучить его более углублённо... в Москве много разных курсов. Я дам адрес лучших.

– Да! Да! Да! – почти закричала Алиса

– Но вы знаете, что ни стипендии, ни общежития вам не положено.

– Пустяки, я заработаю где-нибудь днём, а спать... что-нибудь придумаю...

Женщина опять внимательно на неё посмотрела, подумала, потом сказала, перейдя на теплое «ты»:

– Подожди!

Она вытащила два листочка бумаги, что-то написала на одном, потом на другом, расписалась. Подала их Алисе и сказала:

– Сначала пойдёшь в студенческую столовую, они сегодня жаловались, что у них посудомойка уволилась. Надеюсь, тебя возьмут, бумажка о здоровье с собой? Ну молодец! А потом пойдёшь в общежитие, там моя добрая знакомая работает комендантом, я её прошу дать тебе местечко приткнуться, недели на две. А там видно будет и с работой, и с жильём. Поняла? Ну, что стоишь? Беги!

Алиса не могла вымолвить ни слова, только мычала:

– Я... я... я...

– Да беги уж, проверим ещё раз, умею ли я разбираться в людях...

Счастливая Алиса успела до вечера перетащить свои вещи в это общежитие, в девчачью комнатку на четверых, изловчилась вымыть посуду в столовой после обеда и ужина, где её сердобольно покормили в обед борщом и тушеной картошкой с мясной подливой, а на ужин пшённой кашей, которую выскребли со дна котла, и дали стакан сладкого чаю. Жить было можно... Занятия ещё не начинались. Она пошла в комнату и повалилась спать на кровати у окна. Все кровати ещё были свободны. До начала занятий оставалось около месяца.

Алиса решила съездить домой – вспомнила, что забыла зимние сапоги, тёплую кофту, ещё кое-что надо бы взять. Да, честно говоря, соскучилась она по маме. Так хотелось обнять её, прижаться к ней, поплакать... С мамой можно поплакать... Договорилась и в столовой, и в общежитии, сдала вещи в камеру хранения. Да, получилось совсем не так, как мечталось, но все равно она – студентка первого курса института. Ура!

Но, слушая её честный рассказ, плакала мама, и это Алиса её утешала:

– Мама, не плачь, главное, я зацепилась, сдам первые экзамены на отлично, перейду на дневное отделение, если захочу. А там, может, у меня при таком графике останется больше времени на приработку, стипендию-то мне не дали.

И тут Катерина Матвеевна выложила свои козыри. Она подошла к окну, тщательно задернула темные занавески, освободила круглый стол, открыла таинственный пакет, который даже в руки Алисе никогда не давала, и высыпала на стол деньги, каких Алиса ни разу не видывала.

– Что это, мама?!

– Это, можно сказать, твоё приданое. Отец ведь присылал на тебя денежки... немного, но почти каждый месяц, когда побольше, когда поменьше. Я понимала, расплачивался он за свою пьяненькую глупость, порыв такой был, а я-то сначала, дура, подумала, что нравлюсь ему... Он-то мне нравился, да что с того... Не ровня я ему. Ну, хоть совестливый оказался человек, немножко, чем мог, помогал, но никогда не разговаривал со мной, не спрашивал про тебя... Бог ему судья... А деньги вот посылал какой-то человек, совсем другая фамилия. А может, и он сам, просто писал другую фамилию. Я понимала, что это от него. Я их собирала для тебя, а когда эта перестройка началась, на рынке появились доллары, и я, не будь дура, стала потихоньку менять эти деньги на доллары. Уж на советские

деньги надежды не было, а потом и на местные. По крохе меняла, по капле собирала, как кровь свою для тебя. И всё своё, что могла, сюда вкладывала. Уж так мне хочется, чтоб ты выучилась! Я знаю, что ты не мотовка. Вот, возьми их, детка, меняй и трать с умом... Не потеряй, их у нас немного. Смотри, чтоб не украли. Надо тебе мешочек сшить да на себе носить...

Алиса обняла мать. И стояли они над этим столом со скудной кучкой мелких долларов, и обе плакали.

И Алиса решила. Спросила:

– Мама, скажи прямо, кто мой отец? Где он сейчас?

– Алисонька, он – большой человек, был первым среди нашего начальства, я у него в кабинете полы мыла. Вот он меня как-то перед праздником и заметил. Я ведь из деревни к дальней родне приехала, они меня в общежитие устроили, в отделе кадров взяли меня на работу пока уборщицей. А мне восемнадцать лет, недавно школу окончила, восьмилетку. Я ведь девушкой ему досталась, он и не ожидал... Но пригрозил, чтоб никому не говорила. Девчата в общаге догадались, что я беременная, всё учили: «Сделай аборт, сделай аборт! Чик-чик – и свободна!» Но я не смогла, детка, помню, в деревне говорили, что это большой грех. Вот так вот ты и родилась! Я видела, что на отца похожа, и умная – в него! Его вскоре перевели в Москву работать. Однако же квартиру, это, конечно, он через профсоюз мне успел дать, как матери-одиночке, да и деньги присылал под другой фамилией. Но я-то догадалась, что от него деньги. Кому я была нужна, видно, тревожила его совесть! Я простила его. Вон ты у меня какая умница и красавица получилась! Ни у кого такой дочки нет! Маринкина мама всё время тебя в пример своей дочке ставила. Меня как-то допытывала, чья ты дочь, я сказала: «Не помню уже!» Но она не поверила, потому что я жила, как честная женщина. Всё думала, замуж выйду. Да вот не получилось! Как заколдовали меня. Может, я женихов с ним сравниваю...

Расставаясь, мать дала ей листочек с написанным именем и фамилией отца и название министерства – места его работы. Сказала Алисе:

– Может, когда посмотреть на него захочешь, или в беду какую попадешь, чай, не даст пропасть. Но зря не надейся, это для него тяжёлая память. Вот, фотография – всё наше начальство перед демонстрацией выстроилось. Вот он, красавец наш....

Алиса помнила эту фотографию, она была в альбоме, и этот дядечка стоял посередине всех и был самый красивый! Она не спала всю ночь, жалела мать, жалела себя... жалела этого человека, отца, что самой было странно...

* * *

Что ж тут скажешь, кроме того, что ей всё-таки повезло. На лекции она ходила, исправно писала конспекты. И всё ей было понятно, всё ей было интересно. Все задания и контрольные выполняла на отлично. Уже и разговоры пошли в деканате, что надо бы Алису Пушкарёву перевести после сессии на дневное отделение. Наверняка, кто-то отсеется. Алиса подумала-подумала и отказалась заранее. При таком графике у неё оставалось больше времени для себя лично. Целый день принадлежал ей. А тут ещё её подружка-соседка, старшекурсница, стала её уговаривать: давай, мол, съездим в Турцию. Ты можешь у девчат денег занять, потом приедешь, сдашь в магазин вещи, я знаю куда, и тебе заплатят

деньги. Ты и с долгами расплатишься, и ещё для себя что-то останется. Алиса очень сомневалась: как это – поехать в незнакомую страну. Ну, по-английски она могла понятно объясниться, но всё равно робела. Но деньги-то в долларах у неё были, которые мать ей отдала; сказала, усмехнувшись, – приданое... Немного, конечно.... Надо подумать. Подружка уговаривала: они поедут, несколько девчонок, не в первый раз, чего бояться!

И на зимних каникулах она решила. Сессию сдала отлично. «Приданое» своё не тратила, мама сшила ей мешочек, она и носила его, приколотый к трусикам. Потерять было страшно. Женщины в столовой ей еду оставляли, жалели её, она была быстрой, ловкой, отзывчивой. Заведующая оставила её жить в общежитии, как-то шуточно, скороговоркой промолвив: «Разбогатеешь – расплатишься!» Так что разбогатеть было просто необходимо.

Билеты на самолёт, туда и обратно, хоть и самые дешёвые, пробили брешь в её «приданом». Ну, что ж, как сказала отчаянная подружка, кто не рискует, тот не пьёт шампанского! Шампанского она ещё никогда не пробовала, а рисковать уже пришлось. Знакомые девчонки одолжили ей дорожные клетчатые сумки для вещей, сложила их в плотный пакет. Полетели!.. Когда вспоминала свою первую поездку в Турцию, смеялась и плакала. Ну, всё прошло благополучно и даже удачно. Хорошие люди есть везде, на каком бы языке они ни говорили!

Обратно возвращались с неподъёмными сумками, плотно набитыми вещами. Было трудно. Алиса облегчённо вздохнула, когда сдала их в багаж. Но после приземления свои вещи всё равно надо было тащить самой. Носильщики предлагали услуги, но подружка предупредила, мол, не успеешь оглянуться, а твои сумки уже «тю-тю». Тащили сумки сами, взяли такси, приехали к дому подружки-москвички, оставили сумки у неё. Когда Алиса вернулась в общежитие, ей казалось, что она идёт, как орангутанг, и руки у неё такие же длинные... На следующий день поехали сдавать вещи в магазин. Алиса не устояла – оставила для себя недорогой, но элегантный костюмчик. Ну что ж, хоть какая-то радость! Хозяйка перебрала вещи, каждую оценила. Спасибо, часть денег отдала сразу, остальное после продажи. Алиса всё аккуратно записала в тетрадку. Девчонки смеялись: да ты и так всё запомнишь! Алиса не понадеялась на свою память. Ей каждая копейка дорога!

К её глубочайшему удивлению, после всех продаж и оплат денег у неё стало вдвое больше. И тогда её ударило! Ещё две-три такие поездки – и она сможет купить себе комнату, а лучше всего – однокомнатную квартиру! Она должна! Конечно, не в Москве, куда там! Где-то здесь, в Подмосковье! Она вдруг поняла, что хочет иметь своё гнездо, свою норку, свою щёлку, пусть хоть какое-нибудь, скромное местечко, но своё! Она поняла, что очень хочет, чтобы какая-то часть её жизни проходила в одиночестве, без людей, без подружек, которые всем хороши, но уж очень близко живут друг к другу. Она поняла, что её тяготит эта бесконечная болтовня, ссоры из-за пустяков, сплетни. Нет, надо из общаги выбираться. Иначе она, даже если окончит институт, останется такой же бездомной. Перестройка! Уже никто не получает распределения, где работать. Каждый справляется сам, как умеет. Она написала матери о своём желании, но та ответила, что больше никак, ничем не может ей помочь и только плачет об их общей одинокой судьбе. На летние каникулы она домой не поехала, съездила ещё два раза в Турцию. Зашла в мечеть Айя Софию. Одна. Смотрела в ошеломлении на эту мощь и красоту.

Знала, что это бывший православный собор. Своими, тихими словами помолилась, попросила у Бога своей матери здоровья, а себе удачи. Никому об этом не говорила, но что-то такое прибавилось в душе, что-то дрогнуло.

Как бы ни казалось это невозможным и странным, но на третьем курсе квартиру она себе присмотрела – случайно разговорилась с женщиной в электричке. Та и рассказала, что в доме умерла одинокая бабушка, а наследник её, внук, горький пьяница, живёт с женой, и оба они вместе пьют. Жильё у них есть, а вот денег на водку не хватает, и они мечтают наследство своё продать, скоро уже кончатся нужные полгода юридической выдержки. Алиса дрожащими руками записала адрес и со следующей же остановки вернулась обратно и пошла по указанному адресу. Муж и жена, пьяненькие и весёлые, встретили её ласково и согласились квартиру продать через месяц, когда выйдет нужный срок, и цену запросили для Алисы тяжеловатую, но возможную. Надо было ждать месяц. Алиса тут же позвонила матери, и та приехала за несколько дней до условленной встречи. Остановилась в общежитии у Алисы, с разрешения комендантши, оказывается, та держала одну маленькую комнатку, как гостиницу, специально для приезжающих к студентам родственников.

Наконец владельцы получили ключи, и они вчетвером пошли смотреть квартиру. Квартира была из тех, что называют «убитой»: начиналась она со страшной обшарпанной двери, ободранные обои висели на стенах клочьями, на полу валялись отвалившееся с потолка куски штукатурки, разбитый унитаз. Из крана на кухне не шла горячая вода, черная грязная раковина приводила в содрогание. У Алисы заледенело сердце – ей никогда не отремонтировать такую квартиру. Она не могла сдержать возгласа разочарования:

– Мама! Пойдём отсюда! Разве это квартира? Это же гадюшник!

Хозяева всё поняли, заволновались, засуетились, заговорили разом, сказали, мол, можно цену немного сбавить, они знают мастеров, которые незадорого сделают ремонт. Говорили разом – выпивка могла сегодня и не состояться, а нутро уже горело. И тут на сцену вышла Катерина Матвеевна. Алиса никогда ещё не видела мать такой. Она хаяла и сердилась на хозяев, жалела бедную старушку, которая жила в таком ужасе, и родственники ей помочь не хотели! В результате сбавила цену наполовину, тыкала хозяев носом во все развалы и недостатки. И было куда тыкать. Действительно, квартира требовала настоящего капитального ремонта. Пошли в ЖЭК выяснять про нужные документы.

Работая тоже в ЖЭКе, Катерина Матвеевна знала, как всё это делается. Как она говорила: «Собаку съела». Всё записали, что надо! Волокиты предстояло много. Но две силы помогали друг другу. Продавцам хотелось выпить, а Катерине Матвеевне – скорее оформить. Алиса уж не мешалась под ногами у матери. Катерина Матвеевна хлопотала, улаживала дела сама. Уезжая из своего города, она выпросила два отпуска, они были у неё в запасе. Она получила отпускные деньги, и у всех знакомых просила займы, хоть понемножку. Долги в книжечку писала, говорила, мол, давайте расписку дам. Но Катерину Матвеевну знали, что она нитки чужой не возьмёт, поэтому верили на слово. И все давали ей понемножку, много она не просила. Как побиралась... За 20 лет работы мать снискала в глазах сотрудников и соседей уважение и доверие. Продала своё колечко и серьги, которые когда-то купила, складывая за год несколько премий. Какие-то деньжата у ней были... Но не хватало около 500 долларов. Алиса позанимала какую-то мелочь у девчонок в

общаге, у знакомых в столовой. Оставались деньги от поездки в Турцию. Всё-всё в одну кучу. Долги, каждую копейку аккуратно заносила в специально заведённую долговую записную книжечку. Пересчитали с матерью все деньги, аккуратно, по несколько раз. Все возможности были исчерпаны. Деньги надо было отдавать послезавтра, в конторе оформляли документы. Около 500 долларов не хватало.

И тогда мать решилась. Вечером она встретила Алису после занятий, которые уже заканчивались, и впереди были экзамены, к которым Алиса не только не готовилась, но даже, можно сказать, забыла о них.

Мать отвела её, посадила на одинокую скамеечку, набравшись духу, сказала:
– Нет у нас, Алиса, другого выхода. Завтра пойдём к отцу твоему, денег просить займы. Я ездила, узнавала, работа у него кончается ровно в шесть!

И Алиса видела, что мать вся дрожит мелкой дрожью, и её затрясло тоже. Что ж делать – жизнь решалась. Жильё, можно сказать, почти в Москве... Другая жизнь...

Поехали после обеда. Ходили вокруг да около, проголодались. Купили две бутылки молока, бутерброды были с собой, зашли в ближайший скверик, сели на уютную скамеечку, пообедали. Потом вернулись, вошли в здание, и в вестибюле встретили этого человека, если точно сказать – человека своей судьбы. Он свои дела явно раньше закончил. Он был в лёгком плаще и шляпе и видно, что собирался уходить.

Катерина Матвеевна бросилась ему наперерез, закричала:

– Альберт Александрович!

Он приостановился, повернулся:

– Вы ко мне?

– Да, мы к вам, у нас к вам очень большая просьба!

Он смотрел на обоих, улавливал в одной и другой что-то знакомое, но вспомнить не мог.

– Откуда вы?

– Из Приозёрска... Катерина Матвеевна Пушкарёва. А это моя дочка. Алиса.

И он вдруг понял, кто это! Лицо залилось краской, сердце заныло...

– Да, я помню вас... – тихо так сказал, еле слышно! – Чем могу помочь?

– Алиса у нас студентка, отличница. Это ей надо помочь.

Он внимательно смотрел на них. Катерина Матвеевна плакала, слёзы лились сплошным потоком. Девушку Алису трясло мелкой дрожью...

Он решил быстро. Он, конечно, может сесть в машину и уехать, вон, водитель ждёт его, несколько метров – за полминуты дойти, и не было никогда никакой Катерины Матвеевны, и не было этой рыженькой, так похожей на его молодую мать девчонки. Что-то его остановило. Может быть, это тревожное чувство вины и совести, иногда утихающее и, казалось, совсем утраченное, забытое в его жизни, но иногда вдруг накрывающее непоправимым отвращением к себе, а может быть, это было ощущение тяжкого непрощённого греха, как говорила когда-то бабушка. Колебание было недолгим. Он сказал:

– Пойдёмте вон в то кафе, там народу мало, поговорим. Я водителю скажу, чтоб подождал.

В кафе было действительно мало народу, они заняли столик в глубине, в углу, подбежавшему официанту заказали женщинам два чая с пирожными, глоток коньячку и чашечку кофе мужчине.

– Вы так и живёте в Приозёрске? – спросил он

– Я живу, – сказала Катерина Матвеевна, – а Алиса – московская студентка.

– Вот как? Уже студентка?! Как быстро летит время! Что случилось с вами? – спросил, хотя почти догадывался, зачем они пришли. Жизнь стала такая...

Катерина Матвеевна заплакала и совсем не могла говорить. Первой заговорила Алиса.

– Александр Альбертович! Пожалуйста, выслушайте нас. Мы с мамой хотим купить однокомнатную квартиру под Москвой. Квартира не очень дорогая, но мы с мамой выложили все наши крохи, все запасы, и нам не хватает денег. Не так много – 500 долларов. Поверьте, сейчас у нас больше нет никакой возможности достать деньги, кроме как обратиться к вам. Мы долго не могли решиться на это. Простите, мы просто в отчаянии. Я найду деньги. Я всё время подрабатываю. Я прошу у вас эти деньги взаймы. Всё лето я буду работать, я езжу в Турцию и привожу вещи, которые сдаю продавцу. И я обещаю вам вернуть их в конце лета. Я понимаю, что вы меня совсем не знаете, но я никогда не нарушаю своего слова! Помогите нам, пожалуйста, если можете...

Алиса замолчала, и вдруг её пронзило такое чувство унижения за мать, за себя, что она возненавидела этого человека, сидевшего напротив неё, а заодно и себя, попрошайку. Он понял всё. И то, каково у неё на душе, и то, что деньги она вернёт, и то, что девчонка лезет вверх из низов и вылезет – это как пить дать! Это он знал по себе. И он девчонку немножко подсадит. Благое дело – подсадить того, кто лезет. Его родные дети, сын и дочь, очень лицом на эту Алису похожи, особенно дочь. Но они были избалованы и матерью, и беспечной жизнью, и ничего особенного он от них не ждал. У обоих были свои семьи и дети, его внуки, и он их всех любил и беспокоился за их будущее в этом новом жестоком времени, в которое вступает страна. Кстати сказать, деньги они из него тащили беззастенчиво и постоянно. А ведь ему скоро на пенсию...

– Ну, времени у нас мало. Возьми вот, Алиса, мою визитку, позвони позднее, когда у нас обоих будет время, мы встретимся и поговорим. Я думаю, нам стоит узнать друг друга... А деньги...

Это было невероятно, но сегодня он получил премиальные, и к тому же утром к нему подошёл дальний родственник, коллега, и вернул долг, как раз 500 долларов, а ведь на возврат он уже и не надеялся, больше года прошло. Усмехнулся своим мыслям. Что ж... Это ЗНАК. Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил пачку российских денег, полез в брючные карманы, вытащил всё, что у него было. Он не считал, но было явно больше 1000 долларов. Сумасшедшие деньги для этих женщин! Он взял из кучки купюрку, пояснил – заплатить за коньяк-чай-кофе, улыбнулся невероятно обаятельной улыбкой, за которую влюблялись в него женщины и которая мгновенно покорила Алису. Не говоря уже от просохшей от слёз Катерине Матвеевне. Ну что ж, надо расставаться. Катерина Матвеевна сгребла эту кучу денег, завязала в большой носовой платок и сунула его по деревенской привычке за пазуху, чем невероятно рассмешила и умилила Альберта Александровича и заставила покраснеть Алису. Он повёл их к машине, посадил и распорядился ехать на вокзал. Возле вокзала они вышли. Альберт Александрович пожал руку матери, приобнял слегка Алису, сказал ей:

– Увидимся!

Резко повернулся, сел в машину – и будто его никогда не было...

«Вот это мужчина!» – подумали они обе. Катерина Матвеевна с грустью, Алиса с восторгом. Загудела электричка, они сели в вагон. Поехали!

Покупку они оформили очень внимательно, счастливы были бесконечно: подумать только – своя квартира-хрущёвка на втором этаже, разбитая, раздолбанная, но своя, своё место на земле... и почти что в Москве!

* * *

Алиса бросилась навёрстывать пропущенные лекции, переписывала конспекты, набрала книг в библиотеке. Катерина Матвеевна взялась за квартиру. И Алиса поняла окончательно, уже по-взрослому: мать – великая труженица, умная, смекалистая женщина, ей, Алисе, со всеми её прочтёнными книгами и умными разговорами ещё тянуться до неё и тянуться, да, пожалуй, у неё так никогда и не получилось бы. Она и материалы покупала, и рабочих наняла, и за работой их следила, и лестницу мыла почти каждый день, чтоб соседи не ругались. Много мусора из квартиры выносила, сама всё возможное делала, делала, делала! Ещё и подрядилась в ЖЭКе помочь с отчётом, за что ей немножко заплатили. С соседями познакомилась и подружилась. Каждого Алисе характеризовала – оказались очень даже неплохие простые люди. Жить рядом можно!

Сессию Алиса сдала отлично. Языки она учила, сдавала немецкий, посчитав, что английский даётся ей легче, главное – не забыть. И преподавательница как-то сказала ей в душевном порыве:

– Тебе бы полгода жить в Англии и в Германии!..

Но об этом было невозможно даже мечтать. Сама-сама-сама! Зубрила, слушала приёмник. Память у неё была очень хорошая! Спасибо маме с папой! Сколько раз она порывалась позвонить отцу – не смела, деньги не собрала. Вот съездит в Турцию на оставшиеся деньги, соберёт средства на отдачу долга, тогда и позвонит.

Сессия закончилась, и компания девчонок опять стала собираться в Турцию. Съездили. Трудно, но благополучно. Мать оставалась доделывать квартиру. Алиса пришла в квартиру и ахнула. Да, пустая квартира, но чистая, новенькая, как пасхальное яичко. Стали деньги считать – и того нет, и это надо купить.

Алиса сказала:

– Мама, меня долг отцу мучает. Давай ему отдадим долг, а потом ещё съезжу.

– Ну, что ж, Алиса, позвони ему, – сказала мать и отвернулась, чтоб Алиса слёз её не видела, – мы ведь всё равно всё сразу не сможем отдать.

– Мама, ну хоть половину! Чтоб он не думал, что мы бессовестные вымогательницы.

Алиса собралась с духом и позвонила Александру Альбертовичу. Назвалась, вежливо поздоровалась, сказала, что половину долга она может ему вернуть.

Он смущённо покашлял и сказал:

– Алиса! Считаю эти деньги моим подарком. Не думай об этом. Я тут в санаторий собрался ехать, сердечко подлечить. Если ты не уедешь в Приозёрск, позвони через месяц, мы с тобой встретимся и поговорим. А если уедешь, позвони, когда вернёшься. Мы должны познакомиться поближе.

Алиса в ответ почти прошептала:

– Благодарю вас! Я позвоню. Всего вам доброго!

Ну, что ж, она за это время ещё успеет разок съездить в Турцию и попытается при встрече отдать ему полный долг. Ремонт был закончен. Квартира сияла чистотой, даже тахту сумели купить, мать спала на ней. Скоро ей уезжать...

Они купили билет на поезд в плацкартный вагон – долго ехать, но всё подешевле, самолёт им не по карману. Стояли у вагона, прощались. Алиса должна была приехать в августе.

– Мама, ты подвиг совершила! – сказала Алиса.

– На то я и мать твоя, – ответила Катерина Матвеевна.

Обнялись на прощание крепко-крепко, два самых родных человека!

Эта поездка в Турцию оказалась особенно удачной. Алиса даже для себя сумела кое-что купить. По приезде встретила возле института ту самую женщину, Анну Васильевну, которая помогла ей и, как вскоре Алиса узнала, была заместителем декана.

– Алиса, зайди ко мне после обеда, помощь твоя нужна!

Алиса обрадовалась. Она ничем не отплатила этой женщине, и рада помочь хоть в чём-нибудь!

Когда Алиса вошла, та встретила её улыбкой.

– Алиса, у меня к тебе просьба. Сейчас у нас пойдёт вал абитуриентов, и я прошу тебя помочь нам принять нужные документы, всё аккуратно разложить по папочкам, отвечать на их бесконечные вопросы, селить в общежитие. Наша секретарша уходит в отпуск, и мне нечем её заменить. Поможешь?

– Конечно!

– И второй вопрос. Я могу тебя устроить на работу в одну турфирму. У тебя будет постоянный, хоть и небольшой заработок, а потом уж ты сама присмотришься, где ты сможешь работать, потому что это постоянное мытьё посуды в кухне ничего хорошего тебе не даст. Осмотришься и сама устроишься, где тебе будет удобнее. И ещё я тебе советую, подумай насчёт курсов английского, о которых я тебе говорила. Там работает моя приятельница. Денег она пока с тебя не возьмёт, отдашь, когда будут деньги. Я ей о тебе рассказывала. Она сама вроде тебя, вышла в люди самостоятельно. Такая же трудяга, как и ты...

– Спасибо большое, – сказала Алиса, – я сделаю всё так, как вы советуете. Вы для меня, как талисман!

Анна Васильевна засмеялась:

– В тот день, когда ты пришла ко мне, к вечеру случилось у меня очень нужное и важное для меня событие. Я хоть и не суеверная, но подумала, что это мне подарок свыше... за доброе дело... за тебя... Так что ты для меня тоже талисман!

– Спасибо! – сказала Алиса. – Я всё-всё сделаю, как вы сказали, и всё сделаю лично для вас. Что скажете...

– Так что завтра с утра приходи к девяти часам, садись за секретарский стол и царствуй. Заодно научишься с компьютером управляться, недавно поставили, мы все потихоньку учимся. Не пугай абитуриентов. Особенно приезжих...

* * *

В конце июля она закончила работу в приёмной комиссии и решила день-два передохнуть, а потом уж ехать на работу в турфирму. Волнуясь, набрала рабочий телефон отца. Ей ответил чужой голос.

– Простите, мне нужно поговорить с Александром Альбертовичем. Он вернулся из санатория?

В трубке помолчали, потом она услышала:

– По какому вопросу?

– По личному. Он сам просил меня позвонить ему после возвращения из санатория...

– Простите, но он скончался в санатории через две недели после приезда.

– Как?! – заплакала Алиса. – Не может быть.... Он сам хотел встретиться со мной... Это правда?

– Девушка, таким вещами не шутят. Выражаю вам своё соболезнование.

– Где он похоронен?

– На Новодевичьем кладбище, вернее, там, где филиал кладбища, рядом с Кунцевским. Похоронили со всеми почестями, с траурным салютом. Хороший был работник и человек! А вы кто ему будете?

– Родственница, не москвичка. Простите меня...

И Алиса положила трубку. Она шла по улице, и слёзы застилали ей глаза. Была всю жизнь полусиротой, не успела порадоваться, что нашла отца, но успела полюбить его... Теперь всё... Конечно, она выберется на кладбище, найдёт могилу. Но спешить уже некуда...

Сдерживая слёзы, поехала к себе домой. И там в одиночестве выплакивала в подушку своё горе до самого вечера. Так и заснула.

Она стала работать в турбюро, показывала иностранцам Москву, конечно, пришлось сначала вызубрить сначала один маршрут, потом второй – два маршрута. Справилась. Экскурсии проводила на английском языке, оказалось, что владеет она им вполне сносно. И с каждым разом всё лучше и лучше. Она обретала уверенность, на ходу осваивала тонкости разговорного языка. Ей дарили сувениры, маленькие подарочки, приглашали в гости. Иногда, когда она провожала группу в аэропорт, кто-нибудь из туристов, немного смущаясь, потихоньку вручал ей собранные остатки российских денег. Им они уже не были нужны. Они знали, что Алиса – студентка. Она не отказывалась. Деньги были небольшие, но ей пригодятся. Когда начался учебный год, Алиса в выходные обязательно подрабатывала гидом. И небольшие денежки шли, и язык открывался, словно роднился с ней.

Так, в трудах, в заботах, преодолеваемых молодой её силой, жадной жизни, проходили дни. Её уже знали в своих кругах, ценили за порядочность, хороший характер, юмор, безотказность в просьбах о помощи. Училась она всё так же почти отлично. Понимала, что ей помогает природная память и сообразительность. И с болью появлялась мысль: «Может быть, это от отца?»

Московская подруга приезжала в институт на своей машине. И Алису разобрано чувство, похожее на зависть. Вот кто-то умеет водить машину, а я нет... И она пошла на курсы вождения. Вначале ей казалось, что все придорожные столбы и машины летят ей навстречу прямо в лоб. И она приговаривала про себя свою детскую присказку: «Я сильнее тебя, я тебя не боюсь!» Она заставила себя не бояться, и постепенно уверенность появилась, экзамены сдала, получила права. Ура! Подругу с машиной довозила домой, обратно ехала на трамвае или шла пешком. Знала, что нужна практика.

Молодые люди обращали на неё внимание, на студенческих вечеринках не было отбоя от кавалеров. Почему она оставалась спокойна и холодна? Она люби-

ла одеваться модно, хоть и недорого, ей нравились комплименты и восхищение собственной персоной. Кто-то иногда был ей более приятен, чем остальные. Но обычно это длилось недолго, до первого прокола, как она это называла. И так всё шло спокойно до пятого курса, когда она, наконец, влюбилась. А вот об этом она вспоминать не любила. Если б можно было эти годы вычеркнуть из жизни...

По паспорту он был Владимир, но в жизни, конечно же, Влад – красивый голубоглазый кудрявый блондин, есенинского типа. Она видела его в электричке. Он поглядывал, она поглядывала – просто так. А однажды он сел рядом с ней и сказал:

– Ну, всё! Я больше не могу, давайте познакомимся!

Познакомились. Он сказал, что учится на последнем курсе Бауманского училища, был остроумен, добр, щедр. Не москвич. Про свою специальность умалчивал, намекая на секретность. Она поняла, не выпрашивала. Верила всему на слово, потому что сама не умела обманывать. Стали встречаться, всё чаще и чаще, она пригласила его в гости, как-то накомила домашним обедом. И он остался.

Алиса позвонила матери, сказала, что влюбилась и что, наверное, скоро выйдет замуж. Катерина Матвеевна взяла билет и приехала, поговорила с будущим зятем, посмеялась, пошутила.

Уезжая, поговорила с дочерью тайно и серьёзно. Сказала:

– Алиса, это любовь тебе глаза застит. Поверь мне, это пустой номер. Замуж за него не выходи, не регистрируйся, по крайней мере, в квартире его не прописывай, упаси тебя боже! Поживи, посмотри сама, может, я ошибаюсь, дай-то Бог. Постарайся не забеременеть, ребёнок тебе руки свяжет. Что-то в нём есть гнилое, неправильное, в красавце этом. Куда-то уходит, не докладывает, врёт по мелочам, а может, и крупно – кто знает.

Алиса матери не поверила, даже обиделась на неё. А мать-то права оказалась... Постепенно он стал выдавать свою истинную натуру – внешне красивый, ласковый, а хитрый, лживый человек. Алиса диплом защитила на отлично. Как-то выяснилось, что Влад институт давно бросил, или выгнали его. Алиса плохо это пережила. Она стала терять к нему уважение, перестала верить, но всё ещё на что-то надеялась. Он куда-то уходил по вечерам – говорил, работать. Иногда приносил деньги и даже приличные – говорил, мол, заработал. Но она стала замечать, что порой он без спроса берёт деньги, отложенные на хозяйство, объясняя, что нужно было срочно, потом приносит – мол, заработал. На вопрос, где заработал, – только усмехался: тебе там не заработать! Любовь её таяла, как весенний снег, размывалась основа семейной жизни – уважение и доверие. Но когда они шли по улице, люди оглядывались: какая красивая пара! Регистрироваться он не предлагал, и она не спешила, памятуя мамины наставления...

Она не убереглась, забеременела. Мать опять приехала к родам, помогла.

На дочку свою Алиса налюбоваться не могла. Влад тоже как-то изменился к лучшему, помогал нянчить. Говорил сам себе:

– Да, да, надо менять свою жизнь. Ребёнок – это серьёзно!

Но ничего не менялось. Алиса всё-таки ещё надеялась, потому что в лучшие свои минуты он был такой хороший, ласковый, нежный – особенно, когда родилась Юлечка. Алиса вздохнула тогда с облегчением: может, ребёнок его образумит... Но ребёнка он на себя не записал. И регистрировать брак с ней не предложил.

В свидетельстве о рождении в графе «Отец» красовался прочерк. Алиса увидела это и заплакала. Судьба что ли такая и у неё, и у дочери?! Но она видела, что Влад искренне привязан к ребёнку. Больше времени стал проводить дома, она могла куда-то пойти по своим делам. Изредка она даже ездила с женщинами в Турцию, пополняла бюджет, Юлечку оставляла с соседкой, медсестрой, привозила ему в подарок красивую одежду, свитера, обувь и сама себя не обижала. У Алисы появилась надежда...

Но вот настал тот роковой день. Вечером она прилетела из Стамбула, упала спать, утром раздала всем подарки... Он вдруг собрался и ушёл, как всегда, ничего ей не сказав: ни куда пошёл, ни когда вернётся. А через несколько часов он позвонил и почти дрожащим голосом сказал, чтобы она немедленно скрылась из дому вместе с Юлечкой. Запинаясь, объяснил:

– Я сделал большую, непоправимую ошибку в жизни и должен за это отдать квартиру.

– Но это не твоя квартира!

– Они заставят тебя отдать квартиру! В противном случае они могут отнять Юлечку или... обидеть её, наделать беды.

И тогда она поняла то, что не могла понять эти почти пять лет, которые они жили вместе. Он был бесконечно слабый и потому ненадёжный человек. Догадывалась, но надеялась, что со временем он изменится. А теперь она может потерять всё, даже дочь. Влад попал в зависимость к страшным и безжалостным людям. Спасибо, хоть предупредил!

Она побросала в чемодан и сумку свои и дочкины зимние вещи – одежду, обувь, быстро выбрала и бросила туда же свои красивые наряды, усмехнувшись: рыцарские латы могут пригодиться, – заперла чемодан на ключ. Постучала к соседке Валентине, женщине, работавшей медсестрой в больнице. Она жила со своей матерью – пенсионеркой, и они обе помогали ей с Юлечкой, когда Алиса уезжала в Турцию, хотя со временем это случалось всё реже и реже. Алиса же благодарилась соседкам деньгами и подарками. Сейчас она не успевала даже подумать о другом варианте.

– Валя, помоги мне! Разреши, я оставлю ненадолго у тебя свои вещи, давай спрячем чемодан и сумку под кровать, чтоб хоть не на виду. Владу не говори. Мы с ним расстаёмся. Мне срочно нужно уехать к матери, она неважно себя чувствует. Юлечку забираю с собой. Я тебе обязательно позвоню!

– Алиса, конечно, дорогая, помогу, чем могу! Мне нетрудно, пусть вещи постоят, они мне не мешают.

– Спасибо тебе, Валя! Я постараюсь в долгу не остаться!

Алиса обняла Валентину и снова бросилась домой.

Дома так же быстро собрала большую дорожную сумку с необходимыми по сезону вещами (было начало сентября) – одеждой и обувью для Юлечки и для себя. Юлечка поняла, что они куда-то уходят, и схватила любимую куклу. У неё тоже были свои ценности. Так... Чуть не забыла, документы на квартиру с собой, документы свои и Юлечкины, деньги, какие были, положила в дамскую сумочку, часть денег оставила на столе для Влада. Потом выбежала с дочерью и тяжёлой сумкой на улицу. Ей повезло сразу – проезжавший мимо «жигулёнок» остановился, и водитель предложил свои услуги. Алиса с Юлечкой сели, уложили сумку в багажник, и она коротко сказала: «В аэропорт. Домодедово»...

Через три часа они летели в курортный город, куда переехала мать. Хорошо, что Владу она об этом не успела сказать. Значит, он не сможет указать никому, где она скрылась. Писала ещё мать, что скоро выйдет замуж. Ну-ну... Это хорошо... Если хороший человек...

Мать встретила их растерянно, но доброжелательно. Высокий вальяжный мужчина долго тряс ей руку: «Рад познакомиться, Пётр Алексеевич». Алиса определила: «Дерьмовый мужик». Она сбежала в ближайший магазин, накупила вкусных вещей, не забыла бутылку хорошего вина. Накрыли стол, сели, выпили немножко за встречу, за знакомство. Пётр Алексеевич прикончил бутылку один. Алиса решила: ей бы дня два осмотреться, подумать, и она отсюда уйдёт. Так бы и было, если бы осмелевший и распалённый выпивкой Пётр Алексеевич не стал приставать к Алисе: то руку погладит, то под столом ногой прислонится. Алису корчило. Зоркая мать всё замечала. Алиса видела – ей неприятно. На следующий день утром после завтрака мать ушла в магазин, а мужчина стал всерьёз к ней приставать, лез обниматься... Алиса начала его отталкивать, он приговаривал что-то ласковое. Понравилась, видишь ли! Алиса вынуждена была с ним бороться, вырываться! Юлечка заплакала в голос. И тут вдруг вернулась мать.

Недолго думая, этот негодяй закричал:

– Катя, твоя дочь мне покоя не дает, убери её от меня, в постель ко мне лезет. Она нам жить не даст!

И мама, бедная, влюблённая мама, закричала:

– А ну пошла вон из нашего дома, поberi тебя ламбада...

И другие, уже русские, слова...

Алиса обмерла... Неужели это её родная мама? Неужели она верит этой сволочи? Или он делает это специально, чтобы выгнать их из дома, зачем они ему нужны, с ребёнком, ещё останутся тут жить. Понаехали... Она наскоро одела Юлечку, набросила плащ и выскочила из дома с одной сумочкой без вещей и, как оказалось, без денег.

Так вот они и оказались в квартире Богемы Герасимовны. Дай ей Бог здоровья и долгой жизни... И Алиса не заметила, как вдруг заснула. Молодость помогает пережить беду.

* * *

Утром Алиса проснулась рано от толчка внутренней тревоги. Вчерашний день тяжёлым камнем лежал в памяти, мешал выпрямиться дню сегодняшнему. Вставать не хотелось. Так бы лежать и лежать, глядя в потолок, или умереть, что ли, сбежать навсегда из этой жизни. И одёрнула себя – ишь, ты! – хитрая какая! Ты, значит, в сторону, а дочка останется одна на белом свете?! Нет-нет, это просто минутная слабость! Она сейчас соберётся, поедет в квартиру матери, возьмёт свои вещи, а дальше видно будет...

Она оделась, внимательно оглядела комнату. Всё было привычно, просто и добротнo, по присловию: «как у людей». Коврик с оленями над кроватью, где они спали с дочкой, жёлто-коричневый палас на полу, круглый стол со стульями, сервант с ГДРовским сервизом, его почему-то называли «Мадонна», небольшой старенький телевизор на тумбочке, книжный шкаф, портреты в рамочках на серванте, вазочки на вязаных салфетках. Обстановка добротной рабочей советской семьи. На стене большой, увеличенный с фотографии портрет. Молодые, с

неулыбчиво-серьёзными лицами мужчина и женщина с широко, словно испуганно раскрытыми глазами застыли перед объективом фотоаппарата. Понятно было, что это хозяйка со своим мужем в молодости. С другого портрета радостно улыбался красивый юноша в форме курсанта лётного училища. За лёгкими тюлевыми занавесками на широкий подоконник окна присела цветастая стая чудных – всех оттенков фиолетовых, розовых, почти белых – лёгких воздушных фиалок в маленьких глиняных горшочках. Казалось, они сейчас вспорхнут с подоконника и полетят!..

Алиса умылась, прошла в кухню, откуда слышалось осторожное звяканье посуды и вкусно пахло блинчиками. Хозяйка готовила завтрак.

– Доброе утро, Богема Герасимовна! – поздоровалась Алиса. – Как вы себя чувствуете?

– Доброе утро, джаник, девочка! – ласково отозвалась хозяйка. – Не знаю, как тебя благодарить! Я сегодня другой человек, рэбьёнком спала, лет двадцать ты с меня сбросила!

Действительно, она выглядела бодро, улыбалась, двигалась быстрее, ловчее, чем вечером, чему Алиса порадовалась.

Проснулась Юлечка, прибежала на кухню, прокричала: «Доброе утро!» – прижалась головёнкой сначала к Алисе, затем к хозяйке.

Старушка буквально расцвела в улыбке:

– Умывайтесь, девочки, и садитесь кушать!

Блинчики со сметаной и вареньем все ели с удовольствием, запивали ароматным чаем. Алиса сама убрала со стола, и все перешли в комнату, где висели портреты.

– Какие красивые фиалки! – сказала Алиса.

– Развожу их для своей радости, джаник, а когда денег не хватает, так и продаю понемножку. Люди берут с удовольствием!

– Это вы с мужем на портрете?

– Да, это мой муж, Арам и я, через год после свадьбы. Поехали в город и сфотографировались. Так мне город понравился, я Арама уговорила переехать сюда. Он был хороший сапожник, самый лучший в городе. Его все знали и уважали. Никто так не умел починять, как Арам. У него всегда было много работы, люди заранее договаривались, когда принести обувь в починку. А я в столовой работала, сначала подсобной рабочей, а потом научилась, стала поваром. Даже в ресторан приглашали помогать, когда у них были банкеты.

– А этот красавец, ваш сын, лётчик?

И по затянувшемуся молчанию, по изменившемуся, чуть окаменевшему лицу старой женщины поняла, что не надо было спрашивать.

– Это наш с Арамом единственный сын, джаник! Летал на бистробителе... – сказала Богема Герасимовна и сдавленно добавила: – Больше не летает...

– Разбился?! – тихо ахнула Алиса.

– Нет. Шёл по дороге с аэродрома, не поехал на автобусе с ребятами, пройтись захотелось... И его машина сбила, грузовая. Солдат-водитель водки проклятой напился... Мы с Арамом прилетели, в госпиталь пришли. А сын ни живой, ни мёртвый – комом лежит... Я Богу молилась, пусть бы какой есть, но остался живой. Я бы за ним ухаживала, всю бы кровь свою ему отдала... Не принял Бог мои молитвы, самому, значит, наш мальчик был нужен... Арам не пережил, заболел раком,

через год ушёл за сыном. И стала я сразу старуха. Жить не хочется, и Бог меня не забирает. Горе моё душу и тело согнуло. Одна я, джаник. Сын не успел жениться, родственники – ровесники умерли, а молодые разъехались, да и кому я нужна...

Алиса вдруг шагнула к ней, обняла худенькие плечи, прижала её голову к груди, и толкнулось изнутри: «Я тебя никому не отдам!..» И услышала-почувствовала её невысказанные мысли: «Я тебя не отпущу!..» Алиса помнила свою родную бабушку. Та приезжала в гости к дочери, но не выказывала особых чувств к нагулянной внучке.

– Богема Герасимовна! Я вам уж правду расскажу, как получилось, что мы с дочкой оказались на улице... Мы приехали к маме, а она собралась замуж. Я этого ещё и не знала. Живут они уже вместе, я этого тоже не знала. И вот этот человек был так сильно против, что мы у них остановились, что мне пришлось уйти. А приехали мы из Приозёрска, это уже другая республика, и надо нам как-то устраиваться в России. Мне нужно найти здесь работу и снять комнату, а там дальше видно будет. Можно мне оставить у вас Юлечку, пока я съезжу за своими вещами? А потом буду думать, как мне найти работу и квартиру. С мужем мы разошлись, по серьёзным причинам. Мы теперь с Юлечкой совсем одни остались.

– Конечно, джаник! Сначала – работу! Квартира подождёт. И вы не одни. У меня пока поживёте. Ты останешься с бабушкой, детка? – спросила у девочки хозяйка. – Мы с тобой сейчас красивые тряпочки достанем, будем кукле новое платье шить.

– Останусь, останусь! – закричала Юлечка. – Только ты, мама, недолго!

* * *

Алиса с волнением подошла к двери квартиры, прислушалась, там было тихо – никого нет. Она отперла дверь ключами, вошла. Её сумка стояла в прихожей. Денег в боковом кармашке дорожной сумки не было. Мать не взяла бы – это он, эта пакость, дерьмо, приставшее, прилипшее к матери. Возможно, он пошарил и в её вещах. Но замок на сумке был нетронут, а ключ лежал у неё в сумочке. Она не стала ничего проверять, всё равно ничего уже не поделаешь. Острая болезненная точка обиды стала расширяться, разбухать, расползаться, заполнила все закоулки души: «Мама, как ты могла?!» И не было в её душе места пониманию и прощению. Алиса вышла с вещами на площадку, заперла дверь, бросила ключи в почтовый ящик, как они всегда с матерью делали. Догадается...

Дверь Алисе открыла улыбчивая, помолодевшая Богема Герасимовна, из комнаты в прихожую выскочила весёлая, оживлённая Юлечка, закричала:

– Мама, мамочка, смотри, какое мы платье Кате сшили, я фасон выбрала, а бабушка на машинке строчила!

– Замечательное платье! – искренне воскликнула Алиса и обратилась к хозяйке: – Богема Герасимовна, мне нужно с вами поговорить.

– Говори, джаник, я тебя слушаю.

– Богема Герасимовна, – взволнованно сказала Алиса, – мне нужно найти какую-нибудь работу, чтобы заработать деньги и снять комнатку для нас с дочерью. Ну и хоть скромно питаться. Пока я не устроюсь, не разрешите ли нам пока здесь, у вас пожить? Вы сказали, что можно, но вдруг вы передумали, пока я ходила. Ведь с ребёнком всегда хлопотно, а вам отдыхать надо.

У хозяйки радостно блеснули глаза, она улыбалась:

– Джаник, оставайтесь, конечно, у меня! А насчёт работы... Что ты умеешь делать?

– Всё, что нужно, – невесело усмехнулась Алиса, – я на всё готова.

– Мне соседка Шурочка вчера говорила, что им срочно уборщица нужна, прежняя попала в больницу. Можешь пока пойти к ним в контору, я за Юлечкой присмотрю, а там видно будет. Конечно, если ещё никого не взяли... С работой теперь непросто... Сейчас я позвоню ей.

Хозяйка набрала номер, сказала в трубку:

– Аллё, Шурочка! Вы ещё не нашли кому убирать в конторе? Нет? Тут у меня знакомая девушка подошла, работа нужна срочно. Ты говорила, уборщицы у вас нет. Конечно, временно, пока ваша не выйдет из больницы... Да-да, я за неё ручаюсь... Это, можно сказать, моя дальняя родня. Сейчас подъедет!

Хозяйка покивала головой, написала на листочке адрес, рассказала, как добраться, и Алиса выпорхнула из двери. Да-да, пусть ненадолго, пусть временно, срочно надо заработать хоть немного, отдать долг хозяйке, несколько дней осмотреться, позвонить в Москву, а там видно будет. На душе скребли кошки, на роду что ли ей написана материнская судьба уборщицы?..

Секретарша Шурочка встретила её снисходительно-вежливо, спросила, как зовут, кем она приходится Богеме Герасимовне, откуда приехала. Алиса ответила, что дальняя родственница, умолчав о Москве, назвала свой родной город, который теперь уж остался за границей России. Шурочка предложила: мол, не стоит на две недели оформляться, она договорится, что за этот срок ей разово хорошо заплатят, и не обидят, она, Шурочка, за этим проследит, а дальше уж, извини, уборщица должна выйти из больницы. Но, может, за это время ещё что-то подвернётся... Ну, что ж... Сейчас она покажет, где стоят вёдра, тряпки и всякие уборочные причиндалы.

Во время разговора Шурочка почти не смотрела на Алису, потому что важно, но не слишком шустро тюкала на клавиатуре компьютера. Они только-только начали входить в обиход конторских служащих. Возможно, ей хотелось показать этой уборщице, какая она необыкновенная, секретарь солидной фирмы, вот, на компьютере работает! И вдруг заволновалась, испуганно сорвалась: «Чёрт-чёрт, сволочь какая, всё куда-то исчезло, чего теперь делать-то?!» Алиса подошла ближе, взглянула на экран. Шурочка, конечно, нажала не то и не так, испугалась. Алиса сказала:

– Давай помогу, смотри, что надо делать!

Раз-два-три! – набранный текст вновь появился на экране. Шурочка облегчённо перевела дух и изумлённо сказала совсем другим тоном:

– Ну, ты даёшь, подруга!

И теперь уже внимательно посмотрела на Алису.

– Ты что, на компьютере работала?

– Приходилось немного... – скромно ответила Алиса.

Конечно, она не стала объяснять Шурочке, что компьютер для неё – старый добрый друг и неоценимый помощник, и без него она уже давно не могла и не хотела обходиться.

– Зачем же ты идёшь в уборщицы?! – изумилась Шурочка.

– Мне срочно надо хоть немножко заработать. Деньги у меня украли, вот, мелочь только бренчит в кармане. Спасибо, Богема Герасимовна помогает, а кроме

неё в вашем городе у меня пока никого и ничего. Осмотрюсь, видно будет, что делать дальше. Показывай ваши вёдра-тряпки.

Шурочка встала из-за стола, и Алиса заметила выпирающий круглый животик. Шурочка была беременна. «Седьмой месяц...» – определила Алиса. Шурочка повела её в подвальный этаж, открыла ключом двери. Действительно, тут стояли и вёдра, и швабры, и штанги для мытья окон, и разные тряпки-губки, и всякие порошки – солидное хозяйство!

– Вот, – сказала Шурочка, – это всё для уборки. Приходи к половине шестого, я тебе покажу наши кабинеты. Вот ключи возьми от двери. А плащик-то у тебя клёвый!.. Где брала?

– Да как-то случайно на рынке попался, – отговорилась Алиса.

Не объяснять же, что купила в Стамбуле. Они с приятнью улыбнулись, слегка кивнули друг другу, уже как знакомые, и расстались.

Обратно она летела как на крыльях, и внутри, обозначая жизненную удачу, вдруг зазвучала ламбада, и она шла в её ритме, чуть приплясывая. Удача! Удача издалека помахала ей. Незаметная, крошечная. Но ведь удача! Ей опять повезло! У неё есть место, где остановиться, и человек, которому можно довериться, – эта дивная Баба-яга! Да, впереди много неизвестного, наверное, будет непросто, но зачем далеко загадывать, трусить, волноваться! Она отсекает сейчас свою беду, неудачу, страх, неуверенность, что толку сетовать и расстраиваться? Она не будет заглядывать в будущее, ей надо утвердиться в настоящем. А потом она разберётся. Где-то она слышала: «Не заботьтесь о завтрашнем дне. Завтрашний день придёт, и сам о себе позаботится»?.. Женщина сказала в самолёте... Вроде бы из Библии... Надо почитать. Замечательные слова!

* * *

В половине шестого Алиса уже вошла к Шурочке в приёмную. В сумке лежали её легкие штанишки, кофточка, прихватила ещё косынку. Богема Герасимовна отдала свои почти новые добротные туфли на низком каблук:

– Вот, возьми, джаник, купила год назад, а носить не смогла, не подошли. Размер твой, не на шпильках же тебе полы мыть.

– Иди, переодевайся, – сказала Шурочка, – в шесть уже все кабинеты освободятся. Вытрешь пыль со столов, подоконников, вымоешь полы. А кабинет шефа, – Шурочка понизила голос, – в последнюю очередь. Он уходит позднее, мне тоже приходится задерживаться.

Рабочих кабинетов было всего пять. Алиса не была новичком, вытряхнула в мешок содержимое мусорных корзинок, привычно протёрла столы, подоконники, стулья. Встала на стул, заглянула на шкафы. Вот там было скопление мягкой пушистой пыли. Видно, прежняя уборщица либо не заморачивалась, либо была не слишком здорова, может, высоты боялась, а на стул надо залезать. Полы Алиса, как и положено, мыла «лентяйкой», насухо протирала руками. Работала на совесть, часто меняла воду, вымыла и коридор. Закончив, вошла в приёмную.

Шурочка собиралась уходить, надевала плащ, сказала:

– Сейчас, сейчас, Алиса, уходим!

Из кабинета вышел мужчина, высокий, темноволосый, озабоченный. «Старый, – отметила Алиса, – лет сорок!» Мельком, без интереса взглянув на Алису,

стоявшую с опущенными глазами и выражением лица «никто, ничто, и звать никак», спросил у Шурочки:

– Это твоя протееже? Хорошо убирает?

Шурочка, хотя и не видела результатов уборки, энергично закивала головой:

– Да-да! Она старается!

И шеф, уже выходя, пробурчал:

– Ну, что ж, раз старается – выпиши ей завтра аванс...

– Ну, вот видишь, Алиса, я обещания исполняю, – важно сказала Шурочка, когда за ним закрылась дверь. – Я ему рассказала, откуда ты, и что у тебя деньги украли. Он и разрешил взять тебя без оформления пока.

– Шурочка, спасибо! Я постараюсь тебя не подвести! – благодарно улыбнулась Алиса.

В кабинете стоял большой письменный стол, за которым сидел хозяин в удобном, но не мягком кресле. Прилегающие к нему столы со стульями для совещаний и приёма посетителей стояли буквой «Т», наверное, как всегда и везде в кабинетах больших начальников. На столе чисто, ни единой бумажки, всё убрано, кроме перекидного календаря с пометками, письменного прибора с ручками и фломастерами. Видно было, что человек любит порядок. Алиса так же быстро, с некоторым даже удовольствием вытерла все столы и стулья. Постояла, подумала, вдруг решила вымыть окна, и оконные стёкла скоро засверкали празднично и благодарно. Это тебе, дядечка, за аванс, улыбаясь, подумала Алиса.

Выходя на улицу, попрощалась с молодым парнем, охранником или вахтёром, который глядел на неё с дружелюбным любопытством и явным мужским интересом.

Уже в прихожей Алиса ощутила запах вкусной еды. Богема Герасимовна готовила на ужин пышные румяные сырники. Они снова сели вместе за кухонный столик, где только втроём и можно было поместиться. А пушистый кот Маркиз, бархатно-черный, с белой манишкой, уже сытый и благостный, разместился со свойственным ему достоинством возле холодильника; он не сводил с присутствующих ярко-зелёных глаз и был необходимым, окончательным штрихом покоя и благоденствия этого крошечного кухонного уютного пространства. И все вместе они были словно семья. Какая есть...

* * *

Часов в двенадцать следующего дня позвонила Шурочка:

– Алиса, лапушка! Приезжай, пожалуйста, ко мне сейчас, этот ящик меня с ума сведёт! Что-то опять с ним не ладится, мне надо срочно письмо напечатать, пишущую машинку уже сдали на склад, а с компьютером я опять запуталась!

– Шурочка, не волнуйся, уже лечу! – прокричала Алиса в трубку.

– Паспорт захвати, – спохватилась Шурочка, – денежку получишь, аванс.

Это была хорошая новость! Наскоро объяснив ситуацию Богеме Герасимовне, Алиса выбежала из дома, вскочила в удачно подошедший автобус и через 15 минут была уже в приёмной у Шурочки. У той руки тряслись, и глаза блестели непролитыми слезами.

Шурочка обрадовалась её приходу, с облегчением пояснила:

– Вышел шеф сейчас... понимаешь... придёт через полчаса, велел, чтоб письмо было готово! А я опять что-то не так нажала, не знаю, что делать!

– Не переживай! Сейчас всё сделаем! Давай я сама быстро напечатаю, а ты отдохни, успокойся!

С некоторым колебанием и всё-таки с облегчением Шурочка уступила своё место Алисе. Алиса вывела на экран страницу, взяла написанный от руки черновик письма. Почерк был достаточно разборчивый. Ничего особенного, деловое письмо – мы вас просим оказать такую услугу, взамен можем предложить либо то, либо это. Просим сообщить ваше решение... Как пригодилось, что она когда-то читала брошюру «Как писать деловые письма» и целый месяц заменяла секретаршу деканата! Должность, ФИО и адрес в правом углу, отступив ниже – текст, с красной строки. Один абзац по теме, просьба. Второй абзац – предложения. Всё понятно. Вот только стилистика слегка хромает, ничего... чуть поправим, это вот переставить, это слово заменить, это повтор – вовсе убрать... Получилось чётко, сдержанно. Директор фирмы такой-то. Место для подписи. Нормальное письмо. Напечатала.

Алиса уступила Шурочке её законное место. Шурочка облегчённо перевела дух и сказала:

– Алиса, иди в кассу! Как спустишься на первый этаж, налево по коридору бухгалтерия. Ты вчера убирала этот кабинет. Спросишь Александру Степановну, я её просила выписать тебе денежку. Думала, в аванс немножко, а шеф проникся, что ты окна вымыла – велел добавить.

Это была замечательная новость! Алиса нашла бухгалтерию и Александру Степановну, расписалась в ведомости. Не так уж и много получила, конечно, но на первую необходимость хватит. По дороге домой Алиса забежала в магазин, купила нужные продукты. Заметила, что у Богемы Герасимовны кончается картошка, да и лук репчатый не помешает, опять же мука, сахар, прихватила то, что никогда не лишнее – пачку сливочного масла, свежую булку, пакет молока, стаканчик сметаны, понемножку разных фруктов. Нагрузилась так, что даже ей было чувствительно. А куда уж старушке-то в её годы таскать неподъёмные сумки!

Богема Герасимовна встретила её ахами и охами, но явно была довольна и всё порывалась отдать Алисе деньги. Приговаривала:

– Ай, джаник, девочка моя! Возьми деньги, они тебе ещё пригодятся!

И только резкий безмолвный протестующий жест Алисиной ладони её остановил. Обе понимали, что у них между собой расчёты в особой валюте.

Всё следующее утро у Алисы было тревожно на душе. Из головы не выходила мать, дорогая Катерина Матвеевна. Куда-то исчезла обида на неё, пришло понимание, жалость, тревога – видно ведь, что рядом с ней проходимец, да она этого не понимает, женская любовь матери глаза застит, жениться он якобы на ней хочет... Бедная мама, всегда мечтала побыть законной замужней женщиной. И вот он к ней привязался, мол, у него квартира в курортном городе, они туда поедут и поженятся. А её квартиру надо продавать и уезжать в Россию, где их ждут не дождутся... Ах мама, мама, хоть бы посоветовалась с ней, со взрослой дочерью своей! Хорошо хоть, сообщила адрес... Надо всё-таки как-то узнать о ней, посмотреть хоть издали. Наверное, она тоже опомнилась, жалеет о ссоре, да только где теперь эту дочку найдёшь...

Почему-то в душу закрадывалась тревога о Шурочке. Непонятно... Всё у неё нормально, молодой муж, первая беременность, своя отдельная квартира, в соседнем доме живут родители. Что ж это так её, Алису, тревожит? На следующий день после завтрака она маялась. До вечера, до уборки в конторе было ещё да-

леко, что-то надо поделывать дома. Странно, тревога какая-то... Позвонить, что ли, Шурочке... Не успела к телефону подойти, вдруг резкий звонок! Сняла трубку, услышала Шурочкин голос. Нет, не голос... голосок, прерывающийся, жалкий.

– Алисочка, приезжай ко мне немедленно, пожалуйста!

– Лечу, держись! – выкрикнула Алиса.

Накинула плащ, сказала Богеме Герасимовне, что Шурочке плохо, что она её зовёт.

– Беги, беги, не волнуйся за дочку, мы с ней подружились. Наверное, опять с мужем поссорилась Шурочка! Так всё было хорошо, а как забеременела, стала мужа ревновать, ругается с ним, доводит его до белого колена... И самой плохо! Ты ей скажи, что так нельзя... Она тебя послушает!

Алиса снова оказалась в приёмной у Шурочки в перерыв. Шурочка сидела бледная, потная, растерянная, в глазах стояли слёзы.

– Шурочка, что с тобой?!

– У меня поясница болит, разрывается! И живот, внизу!

– Шурочка, надо скорую вызвать!

– Да мне опять надо письма напечатать, отправить... Алиса! Побудь здесь вместо меня, вот письма, вот список адресов... О-ой!.. – заплакала Шурочка.

– Кто может тебя заменить?

– Кроме тебя, пока никто! Он твоё письмо хвалил... Игорю моему скажи, у нас телефона нет!.. Алиса, я не умру?!

– Ещё чего выдумала!

– Алиса, забыла сказать! Шефа зовут Герман Николаевич!

Алиса сняла трубку, набрала 03. Скорая приехала быстро. Шурочку вывели, посадили в машину. Она села у окна и всё смотрела на Алису, и глаза её молили о пощаде.

– Я приду к тебе, приду! – говорила Алиса.

Вскоре пришёл шеф, как называла его Шурочка. Удивился, увидев Алису. Она коротко, чётко доложила о проблеме.

Он озабоченно покачал головой:

– Что ж теперь делать?!

– Я могу на первых порах заменить Шурочку, она для этого меня и вызвала.

– Ты работала где-то секретарём?

– Да, немного работала.

– Ну, хорошо, давай попробуем!

Алиса разделась, села на место Шурочки. Взяла черновики, быстро напечатала письма, опять-таки слегка подкорректировав, отнесла на подпись. Он жестом показал на рядом стоящий стул и углубился в чтение. Потом расписался. Отложил письма в сторону.

Помолчал, подумал, спросил:

– Шурочка говорила, ты нездешняя. Откуда приехала?

Алиса опять умолчала про Москву, назвала свой родной, теперь уже заграничный город. Если говорить о Москве, значит, нужно объяснять причину отъезда. Алиса хотела, чтобы об этом знали как можно меньше людей, да и о ней самой тоже. Никто помочь ей не может, зачем болтать лишнее. Бережёного Бог бережёт, – она мысленно усмехнулась, вспомнив продолжение, которое услышала недавно, – а не бережёного конвой стережёт.

– Почему уехала?

– Захотелось в Россию. Я там родилась, но я русская!

– Я бы сказал, в тебе есть что-то прибалтийское... Почему именно в наш город?

– Здесь у меня дальняя родственница, она меня пока приютила.

– Ты не замужем?

– замужем, но у мужа свои проблемы, его здесь нет. У меня трёхлетняя дочь.

Отца моего давно нет. С мамой разминулись, ситуация у нас такая. Она тоже должна сюда приехать...

Вот и про мать соврала, но ведь так сразу всё и не расскажешь. Я не шпионка, не воровка, не авантюристка! Я просто попала в сложное положение.

– Ну-ну, не обижайся! Я же должен знать, что за человек рядом со мной. Ведь секретарь фирмы – это мой ближайший помощник, сотрудник, единомышленник. Может, и неплохо, что ты не из нашего города... Что ж, давай попробуем. Вот этот мой телефон связан с тобой. А этот телефон – мой личный, напрямую, его не все знают. Посмотри дела, спрашивай, не стесняйся, мне кажется, ты быстро войдёшь в курс дела.

Алиса просмотрела прежнюю переписку, стараясь понять, чем эта, судя по всему, достаточно успешная строительная фирма занимается, и сделала вывод, что она занимается всем, из чего можно извлечь выгоду. Тут и быткомбинат, и гостиница, и магазины, и посредничество, и складское хозяйство. По теперешней жизни это правильно. Не надо гнушаться мелочей, если даже есть солидные проекты. Кое-чему удивилась, но решила, что поймёт это позднее. Сейчас главное – освоиться на этой должности, запомнить разные подразделения и участки фирмы. В приёмную заходили сотрудники, смотрели на неё с удивлением, спрашивали про Шурочку. Алиса постепенно знакомилась со всеми, с интересом узнавала, кто есть кто, как всегда, быстро запоминала имена-отчества. Самым главным после шефа был его заместитель Валерий Петрович, которого все за глаза называли Валера-красотун. Он действительно был хорош собой, на Алису сначала взглянул с любопытством, но тут же отвёл глаза – мол, ничего особенного.

Часа через два позвонила Шурочка, сказала, в какой она больнице и в каком отделении, сообщила, что уже лучше себя чувствует. Просила сообщить мужу, телефона дома у Шурочки не было.

К концу рабочего дня Алиса вдруг подумала, что ей придётся остаться и делать уборку, и тут же забеспокоилась, как Богема Герасимовна справится с Юлей-капризулей. За полчаса до окончания работы в приёмную зашла женщина и сказала, что её направила фирма «Чистюля» для уборки в офисе. И Алиса ощутила в душе толчок благодарности к шефу. Не забыл, и об этом побеспокоился... Она повела женщину в подвал, куда только неделю назад её водила Шурочка.

Вернувшись после работы, Алиса позвонила в соседнюю квартиру, ей открыл молодой симпатичный парень. Алиса сообщила ему о Шурочке, увидела, как его лицо меняет тревога, подумала, что зря Шурочка его ревнует, у изменщиков таких лиц быть не может.

* * *

Через несколько дней, когда у шефа было совещание с руководителями участков, и ей приказано было никого не пускать, в приёмную вошла броско, ярко одетая, холёная, красивая дама. Небрежно скользнув взглядом в её сторону, не поздоровав-

пись, не сказав ни единого слова, не торопясь, двинулась к двери в кабинет шефа. Но она не успела сделать второго шага – Алиса метнулась и встала у неё на пути:

– Прошу прощения, – мягко, но твёрдо сказала Алиса, – у Германа Николаевича важное совещание. Он дал распоряжение никого не пускать в кабинет.

– Думаю, меня это не касается, – спокойно и с достоинством сказала женщина, – я его жена!

Алиса не дрогнула и, по давнему совету Маринки, включив в себе Красную Шапочку, мягким жалостным голоском почти пропела:

– Простите меня, но я не могу вас пропустить! Думаю, совещание скоро закончится. Присядьте, подождите, пожалуйста!

– Да как ты смеешь?!

– Ещё раз прошу, простите и поймите меня. Я работаю тут всего несколько дней. Если я не выполню его приказ, он меня уволит. Не обижайтесь, присядьте, я вам кофе приготовлю!

Дама посмотрела на Алису очень внимательно, можно даже сказать, в упор рассмотрела её, помолчала и наконец ответила:

– Ну, что ж, не драться же мне с тобой...

Повернулась и вышла из приёмной.

Алиса перевела дух. Откуда ей было знать, что та пришла специально посмотреть на новую секретаршу. Поразмыслив, обе остались довольны «смотринами». Там, где собираются женщины, даже если их только две, мгновенно исполняется неслышимая команда: «На первый-второй – рассчитайсь!..» Жена увидела простоватую, тощеватую «дылдочку», почти без макияжа – только чуть реснички подкрашены, хорошенькую, но ничего особенного, явно не во вкусе мужа, и была довольна её смущением и просительным тоном. Алиса разглядела полноватую, с заметными жировыми складками на животе, бёдрах и боках, расслабленную благополучием скучающую женщину под сорок. Себя же Алиса чувствовала звящей натянутой тетивой, готовой к отпору, к защите и даже к нападению. С этой дамой она бы не поменялась местами. Она верила, что добьётся всего, чего хочет, сама, и не будет прятаться за мужскую спину. Поняла уже – этой спины у неё нет. И не будет. И не надо...

* * *

В субботу, подробно расспросив соседа Игоря, где точно, в каком корпусе, в какой палате лежит его Шурочка, прихватив испечённые Богемой Герасимовной пирожки, Алиса поехала навестить свою новую подругу. Шурочка встретила её с радостью, обнялись, как родные, вместе вышли в коридор, сели на стулья, и Шурочка расспросила про дела, ответила на вопросы, где что лежит, всё подробно рассказала, и у кого что брать, сроки исполнения и прочие секретарские важные мелочи. Не выдержав, стала давать характеристики сотрудникам, кто есть кто, и как с кем себя надо вести. Она старалась помочь Алисе вписаться в новую обстановку.

Алиса прервала её:

– Шурочка, сначала скажи самое главное: что за человек Герман Николаевич? Как мне себя вести эти дни, пока ты в больнице?

– Знаешь, по большому счёту, во всяком случае для меня, он человек хороший. Если он видит, что ты стараешься, работаешь, исполняешь его распоряжения, то

и он к тебе хорошо относится. Если что не так, скажи ему прямо, что не получается, почему. Он идёт навстречу. Он не любит лодырей, болтунов, обманщиков. А кто их любит! Я думаю, у тебя всё будет хорошо. Но любит, чтобы работала быстро, чётко, ничего не забывала, даже ему напоминала утром, какие у нас дела. Но много он чего делает, решает и без меня. У него и телефон есть отдельный, я не все дела его знаю, да мне и не надо. Иногда о чём-то догадываюсь, но не лезу с вопросами туда, куда меня не просят. Конечно, всегда надо быть на стрёме ушами не хлопать. И помалкивать, конечно, в разговорах с другими.

– Поняла, – ответила Алиса.

– Больше всего, – предупредила Шурочка, – будь осторожна с Валерой, заместителем. И чего такого особенного нашёл в нём шеф! Не так давно он у нас работает – и во всё вникает. Даже в то, что его не касается. Какой-то он то ли дальний родственник его тестя, то ли знакомый жены. Только у меня к нему какое-то недоверие, не верю я его улыбочкам. А так, просто поглядеть – красавец!

– А что за человек чернявый такой парень, охранник на входе?

– А! Вовка! Особенно на тебя посматривает? Неравнодушен к женскому полу! Так-то нормальный парень, только друг или родственник у него какой-то бандюга.

Расставаясь, когда уже обе стояли у выхода, Шурочка, решившись, сказала:

– Алиса! Я вот что хочу тебе сказать... – помолчала и, вздохнув, продолжила: – Мне осталось две недели до декретного отпуска. Меня здесь подержат эти две недели... Врач сказала, что так будет лучше. Так что, Алиса, ты готовься заменять меня не на месяц, а, может быть, и на год. Игоря повысили на работе, прибавили зарплату, и он настаивает, чтобы я спокойно посидела дома эти два месяца, и после родов тоже. Так что если ты решишь пока остаться в нашем городе, то на моем месте ты можешь работать больше года. За это время много чего изменится, можешь найти другую работу, можешь уехать, но вот пока такие у меня планы. Не хочу я пока нервничать из-за этой работы. А там видно будет!.. Знаешь, я только сейчас до конца, чётко поняла, нет, даже как-то почувствовала, что у меня есть друг, покровитель и защитник. Это мой муж. И я с ребёнком могу отсидеться за его спиной. И ревновать у меня нет никаких причин. Я просто была душой набитой!

– Ты всё правильно решила, я видела лицо твоего мужа, когда рассказала ему, что ты в больнице. Он настоящий мужчина, и он тебя любит, а это главное! Спасибо тебе, Шурочка, дорогая! Пока я поработаю. Я хочу кое-что спросить у тебя по большому секрету... Слушай, шеф... как относится к женщинам, я имею в виду, зависимым от него?

– Не переживай! Сама не подашь сигнал, никаких проблем у тебя не будет. По-мужски он очень хорош, такое мужественное, спокойное лицо... И к своим сотрудникам он хорошо относится, помогает по возможности и деньгами, и врачами, если что серьёзное... Бабы, даже незнакомые, в его присутствии просто тают, наши почти все к нему равнодушны. Только он у себя романов не заводит. А что касается других, я этого не знаю. А знала бы, никому не сказала. Жена стоит на страже. Но, мне кажется, не всё у них гладко. Но это так... может, я и ошибаюсь. Так что пусть это тебя не волнует! Что надо будет, спрашивай, я помогу!

– Спасибо, дорогая!

Они обнялись с Шурочкой и расстались. Всё-таки везёт ей на хороших людей!..

Алиса вышла из больницы и специально пошла пешком, чтобы спокойно обдумать, разложить по полочкам свои проблемы.

* * *

В пятницу вечером, за ужином, Богема Герасимовна вдруг сказала:

– Джаник, девочка, надо бы нам сходить в гараж, проведать машину, вот уж четыре года стоит, никто на ней не ездит. Муж водил машину, а я даже учиться не хотела, считала, не женское это дело. А сейчас времена такие пришли – погляди-ка, женщины-то как лихо гоняют! Надо бы машину продать, да душа моя поперёк. Долго мы деньги на неё копили. Мотоцикл свой муж продал, денег даже немного занял, добавил, машину купил. Как же Арам радовался! Вот мне и продавать-то её жалко. А ездить на ней некому.

– Машина?! – удивилась и обрадовалась Алиса. – Так я могу водить! У меня и права есть! Только вот четыре года стояла, заведётся ли...

– Надо Игоря попросить, он в автобазе работает, механик, но своей-то машины пока нет... Он хороший мальчик, уважительный, они с Шурочкой мне помогают, а я им... по возможности... Ай ты, моя умница-красавица! Может, и меня покатаешь... Как давно я даже в центре города не была, сил нет, чтобы далеко от дома уходить! Да и на кладбище к Араму и к сыну надо бы съездить. Видишь, как я переменялась из-за вас с Юлечкой! Жить хочется, делать чего-то хочется каждый день! Вот давай завтра поедем в гараж и посмотрим нашу лошадку.

Утром, после завтрака, Алиса постучала в дверь к соседям.

Заспанный Игорь отворил дверь, удивился, забеспокоился:

– Что случилось?

– Игорь, прости, что разбудила, ты разбираешься в машинах?

– В каком смысле? – удивился тот.

– У Богемы Герасимовны машина в гараже стоит, надо посмотреть, в каком состоянии. Я водить-то умею, а вот в механизме не очень разбираюсь.

– Сейчас, умоюсь, перекушу и поедем. Пешком бы дошли, но старушке тяжело будет, не дойдёт. Через полчаса будьте готовы.

Действительно, через полчаса Игорь позвонил в дверь:

– Девушки! Карета подана!

И действительно, возле подъезда стояла «Волга».

– Это моя, личная, – улыбаясь, сказал Игорь. – Вот, прислали.

– А как ты её вызвал? Звонить к нам не приходил...

– Да у меня вот радиотелефон, на большие расстояния не берёт, а в городе работает отлично!.. А после гаража поедем забирать Шурочку, её сегодня выписывают!

Счастливая Богема Герасимовна смотрела в окошко, улыбалась, восклицала:

– Ой, а этого дома не было! Ой, какая большая стала площадь... Ой, Ленина-то убрали... нету Ленина-то... – И загорюнилась...

С таким же интересом рассматривала город и Юлечка. Два ребёнка – старый и малый! Алиса улыбалась.

Когда они вошли в гараж, Алиса не сдержалась – ух, ты! В гараже стоял ярко-красный, но запылённый «Москвич». Богема Герасимовна ахнула, запричитала, мол, никому бедная машинка не нужна, выхватила с полки тряпку, кинулась вытирать пыль. Алиса подошла сзади, обняла её, прижала руки.

– Не надо так махать руками, Богема Герасимовна, сердечко с ритма сорвёте! Не волнуйтесь! Всё сделаем, всё вымоем, будет сверкать, как новенькая!

Игорь поднял капот, наклонился, рассматривал, что-то там трогал руками. Сел за руль, включил зажигание. Машина пожужжала, но не завелась.

– Так, понятно! Богема Герасимовна, дайте мне ключи от гаража, в понедельник машину заберут на обследование, может, какой-то ремонт нужен... Она ещё вполне побегает! – И засмеялся: – Советское – значит, отличное!

– Богема Герасимовна! А кто такой цвет машины выбрал? – спросила Алиса.

– Это сам Арам выбрал, – ответила она с гордостью, – чтоб все видели издалека – это мы на машине едем! Только три машины было таких, красных, но Арам первый в списке стоял, первый и выбрал!.. Игорёк! – воскликнула Богема Герасимовна. – А за ремонт я заплачу, ты не сомневайся. У меня деньги на крайний случай отложены... Пожалуй, я ещё погожу помирать, ещё на машине покатаюсь!

– Непременно, Богема Герасимовна, всё посчитаем честно и правильно! Сейчас я отвезу вас домой, а сам поеду за женой.

– Меня возьми с собой, – попросила Алиса, – я её провожала в больницу, я её и встречу!

– Поехали! – согласился Игорь.

Шурочка вышла к ним счастливая, пузатенькая, спокойная, неторопливая и какая-то даже важная. Позволила мужу себя обнять, потом обнялась с Алисой. Да... женщина ребёнка носит, нового человека, имеет право так себя держать! Муж её оберегает, и подруга. Чего ей суетиться?!

* * *

За неделю было известно – скоро придут на встречу немцы. Шеф у своего знакомого, потомка обрусевшей приволжской немецкой семьи, узнал, что его родственники в Германии занимаются изготовлением и продажей санаторно-курортного оборудования, и тут же сообразил, что его фирма вполне может быть посредником в этом интересном деле. Надо непременно собрать сведения, какое оборудование выпускает фирма, какое нужно санаториям, сколько может оно стоить, какой банк может дать кредит, и много чего прочего... Но вначале через родственника он пригласил к себе в гости этих деловых людей отдохнуть, подышать курортным воздухом. Пока немцы отдыхают, надо уточнить, какое именно оборудование необходимо местным санаториям. Сам бросился в эти разговоры с санаториями, подключил бухгалтера, ещё несколько человек, не оставил без дела и Алису: у неё скапливались все необходимые сведения, и списки, и красочные паспорта предлагаемых аппаратов. Валера тоже развил бурную деятельность, и ему было поручено найти хорошего переводчика, потому что немецкий родственник русский язык знал до доньшка, а немецкий лишь слегка: «Где тут вассер через мост?»

Гости уже прибыли, отдыхали в санатории, познакомились с природой, достопримечательностями и были весьма довольны приёмом. Назначили предварительную встречу в кабинете шефа. Валера обещал привести классного переводчика. Алиса запаслась хорошим кофе, всякими кондитерскими вкусняшками, чтобы не ударить

лицом в грязь перед иностранными гостями. Строгую юбку и красивую блузку взяла взаймы у Шуручки. С тоской вспомнила свои чемоданы с одеждой, оставшиеся у соседки. Когда и как она до них доберётся, что с квартирой, где муж?.. Звонила Вале, та очень интересовалась, где сейчас Алиса. Но Алиса от прямого ответа уклонилась. Соседка уверила, что квартира закрыта, мужа не видела, мол, пожалуйста, можно и приехать, но лучше бы дождаться, чтобы Валя увидела Влада сама – в каком он виде и состоянии.

– А ты дай мне свой телефон, я, если что узнаю, позвоню тебе...

– Я тебе буду позванивать, чего тебе деньги зря тратить.

Алиса опять уклонилась от ответа. Ушлая соседка, но некому, кроме неё, было вещи оставить, надо было спешить на самолёт... Почему ей так интересно, где сейчас Алиса?

* * *

Алиса волновалась, ещё и ещё раз проверяла свои угощения, тарелочки, блюдо, поднос, чайник. Не опростоволоситься бы перед немцами! Ждали Валеру с переводчиком, но его всё не было. И дождались – водитель привёз делегацию: двух пожилых мужчин-немцев и одну супружескую пару. Рассадил по местам, вот-вот должен подойти с переводчиком Валера. Алиса, чтобы сократить затянувшуюся паузу, принесла поднос с пирожными, расставила тарелочки, начала разливать только что сваренный кофе, спасибо Турции – научилась. Кабинет наполнился чудным ароматом. Алиса угощала: «Битте, битте»... Хотя кофе планировали на конец переговоров, но не сидеть же просто так, ждать у моря погоды. Она видела, что шеф немного растерялся, он не ожидал такой паузы. Алиса страдала. И тут немец, в котором Алиса сразу угадала старшего, спросил по-немецки: «Ну что, начнём переговоры?» И тогда Алиса, улыбаясь, спросила тоже по-немецки, не будут ли гости так любезны вести переговоры на английском, она уверенней себя чувствует, разговаривая на английском.

– О-о-о, ja, ja! – улыбаясь, согласился старший, он явно симпатизировал этой милой девушке с золотистыми волосами. – Пожалуйста, как вам будет удобно!

И они стали говорить. Какое счастье, что Алиса готовила эту встречу, изучила все документы, все надобности, все сомнения и прочие закорючки! Она радовалась, что говорила свободно, понимала всё, даже шутки. Сказалась её работа в турфирме. И сама шутила, успевала переводить для шефа. И тот вытер пот со лба, успокоился и уже деловито включился в разговор. И они с Алисой помогали друг другу, напоминали упущенное, обходили узкие места. Передали немцам все списки нужного оборудования, просили рассмотреть, поставить свои цены, учесть возможную скидку и прочее, прочее. Алиса собрала кипу копий документов, аккуратно сложила папку и передала старшему. И кто-то из них опять пошутил, и опять засмеялись. В общем, немцы решили дать заинтересованным партнёрам два дня на обдумывание окончательного решения, составление договора, и, довольные друг другом, они расстались. Санаторий, в котором отдыхали немцы, явно им очень понравился. Алиса проводила их до машины, помахала рукой. ВСЁ! Они справились...

Она без сил вошла в приёмную, села на свой стул и постаралась расслабиться. Напряжённое тело звенело натянутой струной. Обошлось... Но где же этот гад, Валера?!

А, вот он! Валера залетел в приёмную, весёлый, оживлённый, рядом с ним была очаровательная девушка.

– Вот, – закричал он, – достал! Лучшую переводчицу нашего института, аспирантку иностранной кафедры!

– А во сколько вы должны были прийти? – тихо спросила Алиса.

– Как договаривались, в четыре часа!

– В четырнадцать часов! – сказала Алиса. – Неужели можно перепутать?

– Как?! Я же помню, что в четыре часа! Недослышал, значит! Что ж, теперь назначим переговоры на завтра?

– Да нет, мы уже поговорили.

– Как?! Кто же переводил?

– Нашёлся переводчик.

Из кабинета вышел Герман Николаевич:

– Ты, Валера, можешь быть свободен долго-долго! Пока не найдёшь себе другую работу.

– Герман Николаевич! Бес попутал! Уверен был, что в четыре часа! С ног сбился! Простите меня! Виноват! Слава Богу, хоть вышли из положения!

– Ну, иди, отдохни пока. Вот, Алису благодари. А то я бы тебя просто избил!

Валера вроде бы смутился, кивнул своей спутнице, и они оба вышли из приёмной. Алиса вдруг подумала, действительно ли Валера перепутал время, или хотел сорвать переговоры? Не внушал он ей доверия, хоть и комплиментами осыпал, и мелкие сувенирчики дарил. Что-то с ним было не так...

– Зайди ко мне! – коротко кивнул шеф Алисе.

Она вошла, несколько робея, чувствовала его внутреннее напряжение.

– Садись! – бросил коротко. – Ближе, ближе – рядом со мной! А теперь рассказывай про себя всё, с самого начала, с рождения, можно сказать: кто ты, откуда и, извини меня, куда стремишься дальше... Я должен знать, кто работает рядом со мной так близко, что за человек, какие у него цели, какие планы... Я вижу, ты не простая девушка. Как ты здесь оказалась, и чего ты от жизни хочешь?

– Хорошо, – сказала она и вдруг, закрыв ладонями лицо, тихо заплакала.

Никому, никогда, даже матери она не была так интересна, и никогда никому она не открывалась так, как требовал и предполагал этот человек, и попробуй расскажи всё, о чём думаешь, что хочешь, чего не хочешь и что не получится никогда.

– Ну-ну, – произнес он даже несколько смущённо. – Всё, что ты мне скажешь, останется между нами при любой ситуации. Даже если мы с тобой разругаемся в хлам. Но что-то мне подсказывает, что не разругаемся. Я хочу, чтобы мы с тобой доверяли друг другу. Мне очень важно иметь рядом умного друга. А я уже несколько раз почувствовал твой ум, воспитанность, деликатность, твоё личное расположение ко мне. Ты – идеальный помощник не потому только, что ты мой секретарь. Значит, я тебя устраиваю, как человек. У меня есть планы, и мне нужен такой верный человек и, возможно, даже советчик. Ты будешь взрослеть и расти рядом со мной. Я о тебе и раньше думал, но вот сегодня решил поговорить с тобой серьёзно. Ты меня часто удивляла, а сегодня буквально потрясла, когда оказалось, что ты знаешь два иностранных языка. Кто ты? Откуда ты взялась? Какая у тебя цель в жизни?

Она улыбнулась сквозь слёзы:

– Цель в жизни у меня простая – выжить мне и моему ребёнку. Если с самого начала, с семьи, то отца своего не знала, и мать упорно не говорила, кто он...

И она стала рассказывать ему свою простую-непростую жизнь. Он слушал её внимательно, не перебивая, опустив голову, чтобы не смущать, но изредка взглядывал на неё с улыбкой, изумлением, иногда с состраданием. Эта одинокая девчонка билась за себя без всякой помощи и поддержки. Ещё и институт сумела окончить... И с ребёнком. А за дурака всё-таки вышла замуж... или хуже, чем за дурака...

Когда Алиса затихла, спросил:

– Что вот именно сегодня, сейчас тебя волнует больше всего? Что за забота тебя гложет? Я же чувствую.

Она ответила коротко:

– Мать. Она наивная, как ребёнок, верит в великую любовь до сих пор. Я, конечно, простила, что она выгнала нас с Юлечкой. Оказалось, всё к лучшему. Я нашла и квартиру, и работу, которая мне нравится. Мне бы как-то вытащить мать. Я знаю, он заставил её продать нашу квартиру в том городе и уехать сюда, обещая здесь жениться на ней. Но когда кончатся деньги, вырученные за квартиру, он выгонит её из дома. Или убьёт. От него всего можно ожидать. Надо её выручать, а я и сама живу на птичьих правах у доброго человека, и привести туда мать просто не могу. Я знаю её непростой характер, она всех перессорит, уморит бедную Богему Герасимовну. Ей нужна комната и работа. Она же работала бухгалтером ЖЭКа, опытный работник и человек честный.

– Мне надо подумать, – сказал он. – Я кое-куда позвоню, поговорю. Завтра суббота... Ты должна встретиться с матерью. Послушай, что она говорит, какое у неё настроение, какие планы. Позвони мне завтра после разговора с матерью, и, если надо, мы завтра же поедem выручать её. Что ещё тебя мучает? Я же слышу...

– Моя квартира в Подмоскowie, мои вещи у соседки. Мне же надеть нечего, а скоро зима!..

– Ты всё хорошо обдумай, что тебе нужно взять из квартиры и у соседки. В понедельник мне всё расскажешь. Разберёмся, я тебе обещаю!.. – хлопнул он ладонью по столу, заканчивая разговор.

Она задержалась, не вставая со стула.

– Что-то ещё? – спросил шеф. – Ну, говори уж всё разом, будем думать, как выходить из положения. Что тебя ещё тревожит, говори!

И Алиса сказала, что нужно место в детском садике для Юлечки. Богема Герасимовна старенькая, невозможно наваливать на неё ребёнка с утра до вечера. Нужно бы Юлечку в садик, желательно недалеко от дома.

– Подумаем, – сказал Герман Николаевич и записал в свою книжечку, сколько Юлечке лет и как её фамилия. – Думаю, на той неделе мы всё это порешаем. Глупышка ты, Алиса. Ко мне постоянно люди ходят и чего-нибудь просят, и я стараюсь помочь, потому что понимаю, времена тяжёлые, всем надо их пережить, перетерпеть. Я верю, что всё наладится! А уж после сегодняшней твоей выручки... обращайся ко мне без стеснения, как к брату. – И, улыбнувшись, добавил: – Сестрёнка!

* * *

Утром она быстро перекусила, хлебнула чаю и побежала на автобус. Корила себя. Прошло почти два месяца, как она здесь, а даже не разговаривала с матерью. Обиделась... Как у неё дела, каково ей живётся с этим придурком... Надо её выручать. И шеф ей обещал помочь! И улыбнулась своим мыслям: как хорошо,

что у неё теперь есть названный брат... И она за него, как говорил где-то артист Леонов, «пасть порвёт».

Она села на скамейку автобусной остановки и стала наблюдать за дверью подъезда, где жила мать, и за выходящими из автобуса пассажирами. И дождалась. Мать вылезла из подошедшего автобуса, нагруженная сумками. Явно была на центральном рынке. Там всё ведь подешевле! Алиса подошла сзади, подхватила самую тяжёлую сумку. Мать испуганно оглянулась, ахнула, обняла её и залилась слезами: «Алисонька, дочка моя золотая... Как же я тебя обидела! Просто как бес какой, враг рода человеческого меня попутал... С ним разговариваю, как дура, всё вроде он правильно говорит – зачем нам нужна эта взрослая дочка с ребёнком? Одна остаюсь, одумаюсь – сердце на куски разрывается: что ж я наделала? где тебя искать?.. Может, уже и в живых нет, кругом ведь хулиганье и бандюганы! Кто заступится за молодую женщину с ребёнком?! Пойдём-ка, сядем вон туда подальше, чтоб нас не видно было, да и поговорим!.. Алисочка, где ты, что с тобой, где Юлечка, как она?»

Алиса коротко рассказала свою историю. Катерина Петровна залилась слезами:

– Сколько живу, буду Бога молить за эту твою Богему Герасимовну! Дай Бог ей здоровья на долгие годы! И, говоришь, работаешь на хорошем месте? Не зря я каждую ночь Бога за тебя молила, и свечи в церкви ставила! Послал Бог тебе добрых людей!

– А ты, мама, как живёшь? Счастлива? Женился он на тебе, как обещал? Не обижает тебя? – спросила Алиса, уже давно угадывая ответ по похудевшему несчастному лицу матери, по её непрерывным слезам...

– Да где там доченька, женился! Обманул меня со всех концов, квартиру нашу продали, сюда к нему переехали, деньги за мою квартиру кончаются, работать он не хочет, я вот поломойкой в школе работаю за гроши, и даже не в штате, он же меня даже прописывать не хочет. И грозит выгнать меня. Я, говорит, тебя подобрал, как кусок дерьма, пора уж и выкинуть. А куда я пойду, Алисонька?! Квартиры у меня нет, профсоюза никакого нет. И пожаловаться некому, и никто за меня не заступится!

– Мама! Ты хочешь от него уйти? Или любовь тебе держит?

– Да какая там любовь, доченька! Хоть бы живой остаться. Боюсь я его!

– Мама, потерпи два-три дня. Мой начальник обещал тебя устроить и с жильём, и с работой. Не бойся ничего, мы тебя в обиду не дадим.

И тут матушка Катерина Петровна опять залилась слезами, но уже радостными.

– Уйду, доченька, за сто километров пешком, работать буду день и ночь, лишь бы мне от него освободиться. Я при нём, как в тюрьме. И гад такой, все деньги за мою квартиру у меня отобрал. Вот на них и живём. Скоро уж ничего не останется!.. Меня выгонит, другую дуру себе найдёт!..

– Мама, в школе, где ты работаешь, есть телефон?

– Есть телефон, где охранник сидит, за столом, и в учительской. Жизнь пошла, уж и школы на охране!..

– Вот и хорошо, давай номер! Я тебе позвоню, когда быть готовой. А ты потихоньку, вещи свои сегодня же собирай в одно место, чтоб сразу всё подхватить и уехать! Не переживай! Отобьёмся!

Алиса простилась с матерью, вернулась домой, позвонила шефу, коротко доложила все обстоятельства поездки. Тот выслушал её и сказал:

– Алиса, я подумаю, как быть, в понедельник мы с тобой поговорим конкретно о плане действий. Успокойся. Ты теперь не одна... – И положил трубку.

Алиса тоже тихонько положила трубку. Её буквально трясло. Боже мой, неужели решится эта самая тяжкая её проблема!

В понедельник шеф вызвал её к себе сразу, с утра.

– Алиса, подробно объясни, что с матерью? Что она надумала?

– Она хочет уйти от него и никогда его не видеть больше. Ей очень тяжело. Он её обобрал, а теперь оскорбляет и скоро, видимо, выгонит, у неё же нет даже прописки. Он не захотел её прописать.

– Я договорился со знакомой, у них есть комнатка в общежитии, пока не занята никем. Пусть мать поживёт в ней пока, а там видно будет. Насчёт работы я тоже договорился, – сказал он и засмеялся: – В нашем ЖЭКе будет работать. У них недавно бухгалтер уволилась, замену никак не найдут, придираются. Пусть пока поработает. Когда мы её заберём?

– Я сейчас позвоню ей в школу. Как раз этот тип по утрам куда-то уходит, она заберёт вещи.

– Ты договаривайся с ней, пошлём ребят с машиной, и ты поезжай, и всё будет окей!

У Алисы в душе толкнулась такая радость, такая благодарность! Ну что ж это за человек! Ничего не забывает, что обещает – делает! Она позвонила в школу, охранник позвал мать к телефону.

Катерина Петровна подошла, робко спросила:

– Да? Это ты, доченька?!

– Ты готова, мама? Собрала вещи?

– Да, доченька. Я готова. И его дома нет, и уборку я уже сделала, пришла в школу рано-рано!

– Через полчаса мы подъедем к дому, будь наготове.

Шеф одобрительно покивал головой:

– Можно через полчаса ехать. Только машина свободная – открытый газик.

Много у неё вещей? Поместится?

– Поместится!

– Езжайте с Володькой. Этот амбал что хочешь унесёт!

И они помчались! Володька был очень доволен, что с ним рядом в кабине Алиса. С первых дней знакомства он неровно к ней дышал. Ну, мало ли что. Пусть будет дружба – не помешает. Парень хороший!

Мать ждала их на крыльце. Они зашли в квартиру, мать из-под кровати вытащила собранные два чемодана, сумку, из шифоньера аккуратно вынула зашитое в простыню своё знаменитое зимнее пальто, кинула его на руки Алисе. Володя отнёс чемоданы в машину, вернулся за сумкой.

– Эх, – жалостно простонала мать, – тахту ведь купили за мои деньги! И оставлять жаль!

Володька, ни слова не говоря, подхватил тахту на плечи и понёс к машине. Алиса с матерью вдвоём потащили сумку на улицу. Мать постояла на пороге, вздохнула: «Бог тебе судья, друг любезный, Пётр Алексеевич! Но терпеть тебя – сил моих больше нет!»

Мать перекрестилась, и они вышли на улицу. Тахту и вещи Володя погрузил в кузов, они втроём уместились в кабине. Поехали!

Подъехали к общежитию в центре, недалеко от Алисиной работы. На крыльцо вышла заведующая – Алиса уже была с ней знакома.

– Заходите, заходите, дорогие! Герман Николаевич со мной говорил. Комната вас ждёт! Поживёте пока, а там дальше видно будет!

Володя внёс вещи, мать стояла, осматривалась. Огляделась и Алиса. Хорошая комната, светлая, уже и батареи тёплые! Действительно, там видно будет!

– Располагайся, мама! Деньги у тебя есть или дать?

– Есть немного пока, доча, а потом заработаю!

Алиса с Володей доехали до своей конторы, она поблагодарила Володьку искренне, даже приобняла.

Парень по-медвежьи затоптался, смутился и сказал:

– Да ладно, чего там... Обращайся!

Алиса помахала ему рукой, побежала на своё место, разделась, заглянула в кабинет.

Шеф поднял голову:

– Ну как, всё в порядке?

– Всё получилось!

– Ну, вот и замечательно! Дня через два поедут мои ребята в Москву по делам, захватят оттуда твои вещи. Так что звони своей соседке, у кого ты чемоданы оставила! Через неделю всё будет у тебя!

У Алисы сердце затрепетало. Она позвонила соседке:

– Валечка, дорогая, скоро я тебе освобожу. Дня через три-четыре подъедут мои знакомые ребята, отдай им все мои вещи – два чемодана и сумку. Из сумки возьми себе на память мой подарок. Там новый красивый шарф турецкий и шляпка. Всё серо-голубого цвета, как раз к твоим глазам. И ещё передадут ребята в конвертике деньги тебе за услугу – лишние не будут. И моя благодарность тебе, кто знает, может, ещё увидимся!

– Ты, Алиса сама не приедешь?

– Нет, не могу, с работы не отпускают... Боюсь даже тебя спросить, что там с нашей квартирой?

– Ой, Алиса, сказать страшно, каждый вечер пьянки, играют в карты, ещё во что-то, шумят. Драки бывают. Соседи уж милицию вызывали. Добром это не кончится, Алиса! Бабы какие-то ходят, я прямо-таки бояться стала такого соседства. Ты только хоть записочку черкни, что ребята от тебя, кому я должна вещи отдать. А ты всё-таки где, Алиса?

– В Ташкенте, – вдруг сказала Алиса.

Если муж вздумает её искать, пусть едет подальше. Хотя вряд ли будет искать. Ему и без неё хорошо. А ей без него. Вот и вся любовь.... А может, и не было никакой любви... Одна Юлечка осталась от прежней жизни... Как, оказывается, всё непросто...

Или наоборот, просто...

Через неделю Алисе действительно привезли два чемодана и сумку. Чемоданы были закрыты, ключи хранились у Алисы. Сумка слегка отоцала, видимо, соседка всё-таки порылась в ней, что-то отобрала себе. Ну, пусть, за всё надо платить. В Москву ездил и охранник Володя, и именно ему Алиса дала все ценные указания.

Он с товарищем заходил к соседке, отдал ей письмо Алисы и на её вопрос, откуда это они приехали, предупреждённый Алисой, ответил: «Мы издалека приехали, из самого Ташкента». Ни в какие разговоры он с соседкой не пускался. Предъявил письмо Алисы, с товарищем они забрали вещи, погрузили в такси и уехали. Не до разговоров. Алиса позвонила Вале, поблагодарила за помощь.

Какое удовольствие она испытала, доставая из чемоданов свои вещи! И ещё две женщины, старая и малая, Богема Герасимовна и Юлечка разделяли все её восторги. И какие красивые блузочки, и костюмчик, а вот плащ на меху, а вот дублёрка, а вот шапочка и шляпки, а вот шарфы! А туфли какие, а сапоги, длинные узкие!

Когда наконец все уgomонились, поужинали, уложили Юлечку спать, Алиса сказала:

– Богема Герасимовна, мне нужно с вами серьёзно поговорить.

И старушка, догадываясь, о чём пойдёт речь, закручинилась, вытерла глаза платочком.

– Богема Герасимовна, я думаю, вы понимаете, о чём я хочу с вами поговорить? Конечно, о квартире. Нам с Юлечкой очень у вас хорошо! Мама моя устроена тоже. Как мне быть, искать ли другую квартиру, или пожить у вас ещё? За квартиру я, конечно, буду платить. Начальник мой обещал устроить Юлечку в садик недалеко от вашего дома. Решайте вы, как нам быть. Искать нам другую квартиру или остаться у вас, чтобы, в крайнем случае, перезимовать... Я бесконечно вам благодарна, что вы помогли нам в трудную минуту, но я понимаю, что вам тяжело с нами. Подумайте, Богема Герасимовна, дело серьёзное. Мы хоть и переберёмся в другое место, но будем вас навещать обязательно! Я прибегу по первому зову, хоть днём, хоть ночью...

Богема Герасимовна уже ревела почти в голос.

– Алисонька, оставайтесь у меня, хоть на зиму, хоть навсегда! Тебя ведь надо прописать в квартире! Я готова хоть завтра. Да и мама твоя могла бы тут пожить.

– Нет, Богема Герасимовна, маме лучше жить от нас отдельно. Мы будем ходить друг к другу в гости.

– Алисонька, я ведь жила и всё думала, когда же я умру, пойду к мужу и сыну?! А теперь вдруг оказалось, что хочу ещё пожить, на божий мир полюбоваться! И всё ведь это из-за вас с Юлечкой! У меня семья появилась!

* * *

Алиса с вечера приготовила наряд, который наденет завтра. Выбрала всё самое скромное и неброское. Но как шел ей скромный элегантный костюмчик, длинные осенние сапоги, тёплая курточка на меховой подстёжке! Хорошо, что вещи выручили до холодов. Ведь уже ноябрь кончается, это ей повезло, что она оказалась в южном городе, и зима тут, говорят, начинается в январе. Яркий шарф, шапочка – всё в тон, скромно, элегантно и со вкусом. Сделала себе лёгкий, почти незаметный макияж: шире раскрылись глаза, легко выгнулись над ними брови, заалели губы от неяркой помады. Богема Герасимовна захлопала в ладоши. Ах, какая ты красавица, Алисонька, джаник, душенька моя! Алиса знала, что она не красавица. Но что-то было... Кажется, Раневская где-то говорила: «Чертовски мила!» Этого ей для жизни достаточно! На работе она сняла сапоги, надела

скромные, красивые деловые туфли на не слишком высоком каблучке. Глянула на себя в зеркало и осталась собой довольна. Жить можно!

Как ни старалась Алиса оказаться на работе пораньше, почти всегда шеф уже сидел в кабинете. Он приходил первым и уходил последним. Алиса про себя смеялась: «Вот они, богатые люди, бездельники и кровопивцы трудового народа! Только попробуй ослабь внимание и за делами, и за сотрудниками – всё развалится и пойдёт прахом»...

Герман Николаевич был прав, когда говорил, что ему нужен друг, помощник и сподвижник. Видимо, Валера претендовал на эту роль, но шеф быстро его отстранил несколько иронически, с шутками, мол, гуляй, пока молодой! А вот Алисе доставалось! Она понимала его мгновенно, подхватывалась, подставляла плечо. На неё можно было положиться. Но и он умел быть благодарным. Помимо всего, что он сделал для неё, её матери, дочери, устроив в детский садик, он ещё существенно повысил ей зарплату. И когда она, узнав об этом, поблагодарила его, он сказал коротко: «Есть за что!»

Как-то так само собой получилось, что два человека, которые, казалось, относились к ней настороженно, вдруг смягчились, и их отношения стали почти дружескими. Это были жена шефа, Лилия Георгиевна (Лилечка, как её называли за глаза) и, что её особенно удивило, Валера. Он перестал делать вид, что ухаживает за ней, стал дружелюбен без подвоха, и Алиса расслабилась – Валера да и Валера, ну, бывает в нём что-то растяпистое, ну такой вот он человек! А зла в нём нет – шутит, смеётся, всегда развеселить старается новым анекдотом, и, надо отдать должное, всегда в рамках приличия.

Лилечка заведовала большим магазином модной одежды, который назывался «Лилия» и был известным в городе, но дорогим. Зато там было уж всё самое-самое!.. И сама Лилия Георгиевна одета была, что называется, с иголки. Всю документацию и отчётность работницы её магазина приносили вовремя, чётко и в прекрасном состоянии. «Тип-топ!» – как говорил Валера. Про него говорили, что якобы они какие-то дальние родственники с Лилией Георгиевной – «седьмая вода на киселе». Отношения у Валеры с женой шефа были дружеские и уважительные – не придерёшься! И только один раз, только один-единственный раз что-то насторожило Алису. Как-то Лилия Георгиевна принесла к ним в контору несколько красивых блузок в коробках, показала по комнатам. Женщины подняли шум и писк. Своим сотрудникам вещи продавались с небольшими скидками, под зарплату. Приятно... В этот день она пришла к очередному перерыву, и все женщины забыли про еду. Водитель принёс кипу коробок в самый большой отдел, и Алиса тоже не устояла, побежала туда. Блузки были чудесные, турецкие, Алиса знала их примерную цену. Дороговато, да у неё одна похожая была – она обойдётся. Тем более наряды ей только что привезли из Москвы. Молодые женщины пищали и разбирали блузки, брючки, юбки, меряли перед зеркалом. Если денег не было, составляли ведомость – под зарплату. Ну просто майский день, именины сердца – мужчинам этого не понять. А ведь скоро Новый год!

К концу перерыва Лилия Георгиевна собрала оставшиеся вещи, сложила в несколько коробок и как-то замерла... Их же нести в машину надо. И тут Алиса совершенно искренне предложила:

– Давайте я отнесу, Лилия Георгиевна!

– Ну что ж, неси, спасибо за помощь!

И они пошли к лестнице. Впереди шла Лилия Георгиевна, за ней Алиса с коробками – их осталось не так уж много. Ноша громоздкая, но не тяжёлая. Они спускались по лестнице, а снизу поднимались после перерыва мужчины. Первым шёл Валера. И Алиса сверху вдруг увидела взгляд Валеры – глаза в глаза с женой шефа. Алиса ещё никогда не видела у него такого нежного и в то же время настойчивого, глубокого мужского взгляда, который можно было только так и перевести: «А помнишь?!» Алиса дрогнула. Конечно, никто ничего не заметил кроме неё, да и что заметишь в эти несколько секунд. Однако непростой это был взгляд, непростой... Алиса уложила коробки в машину, помахала рукой, побежала на своё рабочее место. А сердце заныло... Так уважала она шефа, так ценила! Этот Валера в подмётки ему не годился... Но хорош был, конечно! Самый красивый мужчина в городе, можно сказать. Она помотала головой: «Привиделось, привиделось! Забудь! Никогда! Никому!» И забыла до поры до времени...

Жизнь Алисы с дочерью и её матери, Катерины Матвеевны, обрела необходимую каждому человеку стабильность. Мать вскоре стала работать в этом общежитии парфюмерной фабрики смотрителем-воспитателем. И уж когда она дежурила, в общаге были тишина и порядок. Как уж это ей удавалось, но её девочки уважали и побаивались.

Богема Герасимовна тоже расслабилась. Утром она отводила Юлечку в садик, а вечером забирала её и всем говорила, что это её внучка. А Юлечка ластилась к ней и кричала: «Ура! За мной бабушка пришла!» И были между ними, старым и малым человеком, любовь и понимание. Богема Герасимовна оказалась к тому же прирождённым педагогом и управляла Юлечкой как-то незаметно, но умело, пожалуй, даже сама Катерина Матвеевна так не смогла бы!.. Юлечка при Богеме Герасимовне никогда не капризничала, а та всегда изобретала какое-то удовольствие, неожиданную радость, сюрприз в конце дня, и Юлечка терпеливо ждала обещанную «морковку». Алиса удивлялась, откуда у этой простой женщины столько понимания детской психологии... Сама Алиса уже давно бы нашлёпала непослушную дочь, а у Богемы Герасимовны это было шёлковое разумное дитя. В субботу или в воскресенье, переделав домашние дела, Алиса шла в гараж, выводила «Красного Коня» и подъезжала к дому, где её ждали уже одетые Богема Герасимовна и Юлечка. Они заезжали за Катериной Матвеевной и ехали кататься. Богема Герасимовна оформила на Алису доверенность, права у неё были, машину она водила достаточно осторожно, но уверенно, постепенно осваивая все «узкие», опасные места этого города, и они вчетвером разъезжали по городу и пригородам, осматривали его достопримечательности, музеи, галереи. Проголодавшись, заходили обедать в недорогое кафе, и это тоже был праздник.

Алиса видела, как успокоилась мать, как помолодела Богема Герасимовна, как счастлива своим детством Юлечка. Вот уж никак Алиса подумать не могла, что так сложится у неё этот кусок жизни. Но в душе её, на самом доньшке, примостились тревога. Пряталась, исчезала, – казалось, всё хорошо, и нет больше причины для тревоги. Но вдруг она вырывалась тоской и пониманием временности этого положения. Почему? Муж, Влад, тревожил её. Да, он её обманул, да, он пошёл по кривой дорожке. Но он был её муж, Юлечкин отец. Когда-то она была в него влюблена. Она несла за него ответственность и не знала, как ему помочь, и что с этим делать... Хотя, судя по всему, он и не волновался, что с ней, с дочерью. И куда они исчезли...

Алиса позвонила соседке, и та с не вполне искренним сожалением сообщила Алисе, что в квартире у Влада живёт молодая женщина, вот уже две недели, и уходить не собирается.

– А как же компании, пьянки?

– Так она всех разогнала! Не то, что ты, извини меня, курица, всё разговоры разговаривала с ним, всё убеждала. А Владу-то твоему морду надо было бить, кнут ему нужен, а ты ему всё пряник, пряник... Не разбираешься в мужиках, подруга. Как уж вы будете теперь квартиру делить...

– Про нас с Юлечкой ничего не спрашивал?

– Это я его спрашивала, где, мол, твои жена и дочь? А он говорит, они к матери Алисиной уехали, со мной общаться не хотят... И документы на квартиру увезла. Теперь вот кручусь, не знаю, как квартиру на себя перевести, хотя я тут и прописан.

Конечно, Алиса расстроилась. Сколько сил, сколько унижений и волнений стоила ей эта квартира. И сразу большое воспоминание – отец! Влюбилась, надо же... Да не столько влюбилась, сколько пожалела неприкаянного парня. Ладно, посмотрим... Документы на квартиру действительно у неё, и ничего он сделать не сможет, надеялась она, хотя и понимала, что при теперешней жизни это ненадёжная защита собственности.

* * *

Новый год уж подошёл... Теперь эти праздники назывались корпоративами. В декабре шеф поручил ей и главному бухгалтеру обойти лучшие рестораны города, присмотреться, прицениться, выяснить, чтоб было «не так, чтобы уж очень, но и не очень, чтобы так». Лучше договориться заранее, чем потом бегать и расстраиваться, и взять то, что осталось от более шустрых заказчиков. На совещании у шефа постановили, что корпоративный праздник устроят в выходной день, 30 декабря, в субботу, а уж 31-го каждая семья будет отмечать праздник у себя дома. А 1 января – праздник, а после него опять несколько выходных, государственных.

У бухгалтера Александры Степановны в родном городе были свои знакомства, своё мнение. И очень скоро они с Алисой нашли замечательный ресторан, где был подходящий уютный зал и не такие уж сумасшедшие цены. Нашли, договорились, обсудили за и против, и по ходу общения окрепла у них взаимная дружба к другу симпатия. Хотя Алиса и понимала, что к ней, новому человеку, люди присматриваются: женщины ломают голову, откуда она взялась, мужчины осторожно, намёком, предлагают свои услуги и покровительство. Она благодарила, обещала непременно обратиться, если что... И знала, что не обратится никогда. Разве что к шефу.

И вот он, Новый год, праздник из праздников, с запахом хвои, большой красивой ёлкой в лампочках, в её возрасте ещё казавшийся ей особенным, знаменующим переход к новой, более интересной жизни для неё да и для всех. Одно слово: Новый год! Да ещё эта перестройка никак не кончится, а будет ли хуже или лучше, никто не знал.

Ей нравилась новая работа, ей было всё интересно, а юная головка, к её собственному удивлению, держала в себе все перипетии и нюансы работы их фирмы, и шеф не мог нарадоваться на помощницу. Какой бы вопрос он ни задавал ей,

иногда даже просто размышляя при ней вслух, он получал тут же чёткий ответ. И как он ни пытался с ней поспорить, он понимал, что она права. Ну и девчонка! Мало того, что он получал толковый ответ на свой вопрос, но как-то так получилось, что она потихоньку стала давать ему советы по мере вхождения во все ситуации жизни фирмы. Он понял, что она разбирается в людях, как говорится, «чуёт» человека, видит в нём главное, важное, нужное, не отвлекаясь на его мелкие промахи. Герман Николаевич в глубине души понимал, что ему с такой помощницей повезло, и не секретарь она, а уж, можно сказать, его заместитель. Хотя заместителем числится Валера, какой-то дальний родственник тестя, и приходится его терпеть и ждать, когда он по своему легкомыслию или специально сыгранной рассеянности напортачит что-то покрупней, чем опоздание на переговоры с переводчиком. А могла бы тогда выйти большая стыдоба перед немцами, если бы не Алиса... Ах, молодец-девчонка!

После недолгой торжественной части, поздравлений, выступлений, вручения премий и подарков начались танцы. Люди смешались, стояли и сидели кружками, разделившись по симпатиям и интересам. Алиса скромно сидела рядом с Александрой Степановной и несколькими женщинами из бухгалтерии за круглым столом за колонной.

Им сегодня досталось много хлопот с расстановкой столов, стульев, последними переговорами с кухней, и она устала. И бегала по всем этим делам и хлопотам в скромной своей юбочке с кофточкой, и лишь недавно забежала в дамскую комнату и переоделась. Следом зашла Александра Степановна.

– А! Вот ты где спряталась! Ну-ка, давай я тебе причёсочку налажу! Пойдём, тут рядом туалетная комната с зеркалом во всю стену!

Она посадила Алису на стул, подколола и переплела шпильками пышные золотистые пряди Алисы. И тотчас всё преобразилось. Наконец обнажилась тоненькая длинная шейка, и её золотистая головка венчала весь её чудесный новогодний наряд. Алиса посмотрела в зеркало и не узнала себя.

– Как вы это сделали? Я со своими волосами управиться не могу, а вы... какие-то пятнадцать минут!

– Я в молодости работала парикмахером, да ноги не позволили, не могу смену стоять... А с твоими волосами мне давно хотелось повозиться! Ну-ну, пусть видят скромную секретаршу Алису!

Она осмотрела Алису ещё раз, повернула несколько раз кругом. Что-то поправила, что-то поддёрнула. Сказала: «Иди!» – как благословила.

– Пойдёмте вместе, я чего-то смущаюсь!

– Нет уж, я пойду вперёд, хочу увидеть весь эффект твоего появления!

И она одна вошла под музыку в зал.

Герман Николаевич стоял среди своих мужчин, каждый держал в руке бокал с виски, они слегка чокались, вслух желали друг другу всего наилучшего в новом году, а что было у каждого на уме – бог весть. Валера, как всегда, рассказывал припасённый на этот случай новый анекдот, все слушали, смеялись, не обращая внимания на музыку, как вдруг его собеседники замолчали и внимательно стали смотреть куда-то мимо него. Герман Николаевич обернулся. От двери в середину зала легко, будто не шла, а летела в такт музыке юная женщина в облегающем, расширяющемся от талии книзу волнами вечернем платье, переливающимся

мягкими ненавязчивыми узорами и оттенками зелёного. Можно сказать, оно было светло-малахитового цвета. К глазам... На открытых тоненьких косточках ключиц светилась узорная плоская золотистая цепочка, над длинной, как стебелёк, шейкой сияло прекрасное улыбающееся женское лицо с зелёными смеющимися глазами, и чудное сооружение убранных в замысловатую, но, казалось, простую причёску золотистых, в тон цепочке, волос светилось над её головой.

Она вошла в круг танцующих, и словно бы и не делала ничего особенного просто двигалась в такт музыке, поводила плечиками, но в ней танцевало всё одновременно – руки, ноги, бёдра, талия, лицо и волосы, каждая клеточка её тела танцевала и радовалась. Танцующие рядом с ней женщины стали казаться неуклюжими, неловкими, они почувствовали это и постепенно выходили из круга, присоединяясь к зрителям, и она осталась одна, а люди смотрели на неё, улыбались и хлопали в такт музыке. Он вдруг узнал её с изумлением. Алиса! Неужели она, эта неулыбчивая скромница! Его просто ударило, как глоток виски, в голову – в кругу танцевала женщина, переполненная страстной жизненной силой; женщина, о которой он мечтал всю свою жизнь, его женщина!.. Он ошибся, когда по молодости женился на юной красавице, дочери известного в городе человека, и что там говорить, тесть помогал ему на первых порах и советами, и деньгами, и сводил с нужными людьми. Да... он многим ему обязан. А в красавице жене он скоро разочаровался, перебирал женщин – не то, не та, а она, оказывается, вот где, возле него уже четыре месяца! Он отдавал должное её сообразительности, деловой хватке, уму, а как женщину не видел её, не рассмотрел! Виски, что ли, промыло ему глаза или наоборот затуманило, и завтра он снова увидит этот отстранённый, исполненный только делового усердия взгляд.

Начались парные танцы, и мужчины буквально установили негласную очередь, кто танцует с Алисой. В танце казалось, что мужчина ведёт партнёршу, на самом же деле, это она незаметно направляла партнёра, и ей подчинялись, и получалось вполне прилично, и партнёры Алисы были довольны. Конечно, в стороне не остался и Валера, и у них с Алисой действительно получалось так красиво, что замирало сердце, казалось, вот это пара! Один другого стоит! Герман Николаевич стоял и думал, что вот сейчас пойдёт и пригласит её танцевать. И вдруг понял, что не будет этого, не должен он с ней танцевать. Он вдруг заробел – вдруг не сумеет, не сможет быть ей в лад, да и понял вдруг, заметив острый взгляд жены на эту пару с Валерой, что – НЕ НАДО! Своим приглашением он только навредит ей и в глазах сотрудников – завистников, и в глазах собственной жены. Нет уж, может, когда-нибудь потом... Это виски виновато, что он чуть с ума не сошёл, так хотелось пройтись в ритме танго с этой юной девочкой. Но это будет на беду ей. Нет, он никаким образом не хотел ей навредить, ни словом, ни делом, ни взглядом. И он отвернулся от танцевального круга, завёл с кем-то ненужный, какой-то пустой разговор.

* * *

31 декабря собрали праздничный стол у Богемы Герасимовны, пришла мать Алисы, забегала с поздравлениями и весёлая Шурочка, пока крошечный сыночек спит. Всех по очереди обняла и умчалась в свой счастливый дом к мужу и сыночку.

Вечером сели за стол, открыли шампанское, разлили в бокалы, выпили в честь Нового года, дай Бог, чтоб был не хуже прошедшего, а лучше, посмотрели телевизор, улеглись спать, мать легла с Юлечкой на диване. Алиса потихоньку вымыла посуду, расставила всё по своим местам и тоже легла спать на приготовленную раскладушку.

Утро 1 января было туманное, тёплое, чуть дождливое. Алиса знала, чего хочет сегодня Богема Герасимовна, и предложила съездить на городское кладбище, где похоронены её муж и сын.

Когда после завтрака она сказала это вслух, та прослезилась:

– Ах ты, детка моя, золотое сердечко, прямо чувствуешь, что бабке старой хочется больше всего...

После завтрака не торопясь собрались, тепло оделись, поехали сначала на рынок, купили цветы и поехали в это грустное место последнего упокоения, где кресты да памятники. Богема Герасимовна быстро-быстро пошла вперёд с охапкой цветов, положила их на самодельный столик, помолчала. А потом начала что-то быстро говорить по-армянски и плакать, и кланяться могилам, что-то рассказывала, о чём-то просила она души своего сына и мужа. Юлечка притихла, не скакала, не бегала, не приставала с вопросами. Алиса с матерью молча плакали, потому что слова человеческой скорби понятны на любом языке. Задул ветер, стало прохладно, и они решили, что пора ехать домой. Убрали могилы свежими цветами и развернули своего «Коня». На обратном пути молчали, только тихо плакала Богема Герасимовна. А дома она сказала Алисе, что плакала она и от горя потери родных, и от радости, что ей теперь есть с кем это горе разделить. И она родственно обняла Алису и прижалась к ней.

* * *

После праздников началась обычная жизнь – работа-забота каждый день. Герман доверял Алисе полностью. И несмотря на свой московский опыт, она узнала о жизни и отношениях людей много нового: и хорошего, и плохого, и сомнительного. Научилась держать в себе все планы фирмы, практически они с шефом советовались постоянно, и она стала у него чем-то вроде талисмана. Он дорожил ею, как верным, почти родным человеком. У неё обнаружились и развивались явные деловые способности. О его чувствах к ней никто не догадывался, да и сам он не смел себе окончательно в этом признаться, боялся ей показать. А она была так ему благодарна за всё доброе, что он для неё сделал, что пыталась угадывать каждое его желание, его мысли о каких-либо делах, и он восхищался её деловой хваткой, её какому-то сверхъестественному чутью – выбрать из нескольких возможных наилучший деловой вариант, как конь в пургу находит под заметённым снегом нужное направление дороги.

О Валере и Лилии Георгиевне она приказала себе забыть и забыла. И всё было замечательно до тех пор, пока она не встретила случайно на улице жену шефа, выходящую из какого-то подъезда. Она бы и не обратила внимания, но та шла так нервно, так торопливо, словно бежала от кого-то, что Алиса, сначала хотевшая было догнать её, намерение это оставила, перешла на другую сторону улицы и стала рассматривать этот старинный купеческий дом. И вдруг из ворот дома так же осторожно вышел Валера и пошёл совершенно в другую сторону. Вот оно, значит, как! Ей было так обидно за шефа, хотя – что она могла знать об

их истинных отношениях! Она тут же вспомнила, как шеф и его жена танцевали нежно и слаженно на новогоднем вечере. Но вспомнила и то, как Лилия Георгиевна с Валерой улыбались друг другу при встрече либо нарочито не улыбались. Жизнь!.. Так уж устроен мир взрослых людей. Это её не касалось. Возможно, и у шефа не всё идеально – он явно был особенно внимателен к хорошеньким женщинам, старался исполнить их просьбы. Впрочем, если честно, он всем старался помочь, если мог. Он – взрослый мужчина. Забудь, Алиса, забудь то, что тебя лично не касается. Во всяком случае, никаких разговоров о жене шефа она никогда не слышала. Возможно, она ошибается... Ну, конечно же, она ошибается, они ведь даже какие-то родственники. Мало ли зачем они пришли в этот дом и разошлись порознь... Забудь! Не обращай внимания! И это ей удалось.

Так прошла зима. Юлечка, благодаря заботе Богемы Герасимовны, почти не болела, один раз за всю зиму посидела дома, и то в целях профилактики.

Алисе часто приходилось задерживаться на работе, ждать шефа с какого-либо совещания, чтобы объяснить, узнать новости и не тратить утро на разговоры, а полностью быть готовой к рабочему дню. Хорошо, что Юлечка была в надёжных руках; Богема Герасимовна забирала её из садика, делали они вечернюю прогулку возле дома, потом она кормила девочку, а уж Алиса укладывала её спать. В выходные дни к ним приходила в гости Катерина Матвеевна, и тоже ходила с Юлечкой гулять.

Случилось так, что несостоявшийся муж всё-таки Катерину Матвеевну нашёл. И стал требовать, чтобы она вернула ему деньги и вещи, которые она якобы у него украла, когда тайно ушла из его квартиры. Испуганная мать прибежала к Алисе на работу и всё ей рассказала. Алиса бросилась к шефу. Он пригласил их обоих в кабинет, попросил Алису заварить чай. И так, за чаем, потихоньку выспросил всё у её матери. Придаться можно было разве что к новой тахте, на её же деньги купленной. Деньги за проданную квартиру в другом городе он сразу забрал себе и выдавал ей очень скудно на питание, а постепенно стал попрекать тем, что он её кормит. Как могли дальше развиваться события у матери Алисы, было страшно и подумать.

Герман Николаевич, как мог, успокоил мать и дочь, обещал всё уладить, разрешил Алисе уйти пораньше с матерью, чтобы она проводила испуганную женщину в общежитие. Что уж он предпринял, точно неизвестно, но с тех пор неудавшийся муж ни разу не беспокоил Катерину Матвеевну.

Через несколько дней дежурный вахтёр Володя не удержался и спросил Алису:

– Как мамаша-то поживает, Алиса, никто её не обижает?

И Алиса поняла, что Володя или его друзья душевно поговорили с бывшим суженым матери. И тот понял, что нужно отступить.

* * *

Как-то незаметно прошла зима, и весна заулыбалась, обозначилась первыми жёлтыми одуванчиками. Погода была чудесная, и солнышко грело почти по-летнему. На выходные первого мая весь коллектив поехал на базу отдыха на горное озеро с ночёвкой. Погода стояла чудесная! Оказывается, на фирме традиция такая была. Ещё совсем недавно на берегу горного озера располагался пионерский лагерь, но кто-то из сильных нового мира подсуетился, и городская

власть продала ему лагерь со всеми службами за символическую цену и, должно быть, ещё какие-то обязательства.

Когда Алиса рассказала дома Богеме Герасимовне, что на субботу и воскресенье они с Юлечкой поедут отдыхать на горное озеро, та воспротивилась:

– Знаешь, джаник, езжай-ка ты одна! Мы с твоей мамой управимся с Юлечкой! Разве я не вижу, как ты работаешь? Разве ребёнок даст тебе отдохнуть? Так и будет бегать, за твой подол держаться, да ты и сама всё время будешь о ней беспокоиться. Езжай, отдохни от всех забот. Ты это заслужила!

Мать поддержала Богему Герасимовну, и наутро Алиса пошла к месту сбора без Юлечки, в летнем сарафанчике, с сумкой, в которой был купальник, полотенце, тапочки, купальная шапочка, соломенная шляпа с полями. Но прихватила Алиса, поколебавшись, и лёгкое красивое летнее платье, и босоножки на высоких каблуках, и на всякий случай тёплую кофточку – день был очень солнечный, но всё-таки ещё не лето, вдруг к вечеру похолодает. Поехали на автобусе, хотя шеф с женой звали её в свою машину. Но Алисе не хотелось выделяться и как-то подчёркивать свою близость к начальству. Всего ехать нужно было часа полтора. Алиса сидела у окна и любовалась дорогой, горами, цветущими незнакомыми кустами. Такая красота – как в кино! И вдруг, уже почти к концу пути, водитель немного снизил скорость, и Алиса увидела слева по ходу автобуса глубокий обрыв вниз, в неширокое ущелье, и край его был обозначен покрашенными белой краской небольшими бетонными столбиками. А справа высилась почти без расщелин вертикальная крутая скала. Этот отрезок, включающий в себя поворот дороги, был небольшим, минут на десять езды. Опасное место. Хотя две машины тут могли осторожно разъехаться, но принято перед этим некрутым поворотом давать звуковой сигнал. Чтобы другой водитель ближе прижался к скале и пропустил встречную машину, едущую по краю обрыва, а может быть, и сам задержался с поворотом... Алиса боялась высоты, и этот обрыв произвёл на неё такое сильное впечатление, что у неё закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Она закрыла глаза и отвернулась от окна. Кажется, никто не заметил этой её слабости. Но она подумала, что вряд ли когда-нибудь ещё поедет на эту базу отдыха. Через некоторое время автобус свернул с большой дороги и поехал вправо по узкому ответвлению, затем поворот, ещё один поворот, и Алиса не могла сдержать возгласа изумления и восторга. Ниже дороги лежало красивое горное озеро, обрамлённое зеленью, с вышкой для прыжков, с удобными деревянными лежаками, буфетом, столовой, танцплощадкой, местом для костра. Ну, чудо, да и только! Страхи по поводу поворота возле ущелья моментально вылетели у Алисы из головы. Автобусы затормозили, открылись двери, и все разбежались – наперегонки к лагерю, занимать места. Но Александра Степановна взяла Алису за руку и повела за собой. Оказывается, у неё была договорённость на комнатку для двоих, из окна которой открывался красивейший вид на озеро. Алиса выглянула в окно – и буквально заверещала от удовольствия и кинулась обнимать и кружить Александру Степановну! Она радовалась, как ребёнок, напевала, смеялась, кружилась, приплясывала. Она ещё никогда не видела такой красоты! Или просто душа её, наконец, открылась, чтобы увидеть и принять эту прелесть!

Ах, как было хорошо на этой базе! Алиса издали видела, где расположилось начальство – вместе со всеми, и всё-таки отдельно. Правда, еда была такая же, такие же истекающие соком шашлыки, пучки зелени, молодая картошка.

Валера звал её:

– Алиса, иди к нам!

Но она только весело помахала рукой, отметив своим женским взглядом, что Валера был ну очень хорош, что Лилии Георгиевне нужен сплошной купальник, а не раздельный, чтобы спрятать роскошные бока, и не пёстрый, а однотонный. Пожалуй, ей, как брюнетке, ярко вишнёвый был бы хорош. Шеф... Ну что ж, шеф выглядел очень даже неплохо. Даже как-то неожиданно, ведь она давно записала сорокалетнего мужчину в старики. А он играл в волейбол так ловко, так профессионально, что его команда победила благодаря ему, и это всем было ясно. Даже великолепный Валера не мог с ним сравниться.

А вечером были танцы. Все уже знали, как хорошо танцует Алиса, и мужчины устроили шутивную очередь, но, пожалуй, лучше всего у неё получалось с Валерой. Осторожный Валера скоро отошёл от неё, объявили белый танец, и она вдруг, решившись, решила пригласить шефа. Он явно этого не ожидал, но взял её протянутую руку. Это было танго, спокойный, неторопливый, несложный танец, и у них вдруг стало получаться так синхронно, будто они танцевали уже не первый раз. Она угадывала его движения, а он угадывал, как бы ей хотелось развернуться. Когда-то в юности и он ходил в кружок бальных танцев, и это пригодилось – не осрамился, с такой-то партнёршей! И в конце концов они остались одни на площадке, и все смотрели на них и немножко завидовали, так слаженно, так красиво у них получалось. Они чувствовали друг друга – это самое главное в танце. Да разве только в танце?! Музыка закончилась, шеф, галантно и благодарно раскланявшись, отвёл её к Александре Степановне. И больше уж они не танцевали вместе, как бы этого ни хотелось в глубине души им обоим. Нельзя...

Вечер танцев закончился поздно, и все пошли спать. Чистый воздух, лёгкий плеск волны, отражение мерцающих звёзд в воде – это было чудесно! И Алиса подумала: «Вот оно, оказывается, какое – человеческое счастье! Словно бы и ничего особенного – а такая непонятная радость захлёстывает, просто заснуть невозможно...» И, не осознав мысль до конца, провалилась в сон. Ночью она спала беззаботно и беспмятно, как младенец, которому ни о чём не надо беспокоиться. Она ещё ни о чём не догадалась, но её шеф уже понял всё. Он долго не мог уснуть, вертелся с боку на бок и время от времени произносил про себя, как заклинание: «Алиса... Алиса... девочка моя...»

Загорелые, весёлые, отдохнувшие и уставшие одновременно, они к вечеру вернулись в город.

– Ну, как, – спросила Богема Герасимовна, – я была права?

– Да, дорогая моя, Богема Герасимовна, вы были правы не один раз, а тысячу! – смеялась Алиса. – Я так отдохнула, как давно не отдыхала, как в детстве.

– Ну, а мы с твоей мамой и Юлечкой ходили на речку. Мама и Юлечка даже купались, ну а я, Баба-яга, не осмелилась, ноги только помочила.

– Ничего, Богема Герасимовна! Мы выберем время, соберёмся и поедем за город покупать на речке. И никто нас не увидит.

– Вот старая я стала, а всё чего-то хочется, как рыбёнок я.

– Душа всегда молодая, – тихо сказала Катерина Матвеевна, – хочет порадоваться!

– Порадуемся! – пообещала Алиса. – Да вот хоть в следующие выходные!

Алиса видела, что Богема Герасимовна и мать поладили между собой, Юлечку не ревновали, а как-то незаметно передавали друг другу: кто с ней гуляет, кто сегодня из садика возьмёт. И очень этому радовалась.

* * *

В понедельник она шла на работу с некоторым смущением – всё-таки, наверное, не надо было приглашать шефа на танец. Да, кто-то ещё его приглашал. И Александра Степановна тоже, после неё. Алиса поняла, что она хотела поддержать Алису, дуракам глаза замазать. Ах, какой у неё друг! Да, и ещё кто-то приглашал, и он сам тоже кого-то выбирал, в основном дам, которые сидели в одиночестве и были счастливы, что потанцевали, да ещё с шефом. Умный он человек! А она, Алиса, больше не будет его приглашать. Не нужно это. Опасно. Для неё самой. Всё-всё! Работа и только! У неё дочь и муж, о котором надо подумать, что с ним делать и как его спасать. Обманул ведь, наверное, про Юлечку и квартиру, а она поверила, испугалась, сбежала. И как она не смогла рассмотреть в этом юном принце, простодушном красивеньком мальчике лжеца и потребителя... И должна ли она теперь думать о нём? Почему она позванивает соседке и спрашивает, как дела? Ну и плюнула бы уже и на него, и на квартиру. Нет. Жалко человека. И как это она напоролась на такого?! А какие ребята за ней ухаживали! Пожалела... Спасательница...

Она пришла на работу раньше шефа, разложила по порядку нужные бумаги, быстро написала, выстроила на листочке порядок вопросов и дел по степени важности и сроку исполнения. Пляски кончились. Работать надо...

Он тихо открыл дверь. Алиса не поднимала головы, будто не слышала.

Он постоял, глядя на её склоненную золотую головку, и сказал:

– Доброе утро, Алиса!

– Доброе утро, Герман Николаевич! – она чуть заметно приподняла голову, взглянула ему в лицо и тут же снова наклонилась над бумагами.

– Как понравился тебе отдых?

– Очень понравился, – не глядя на него ответила она, – всё было просто замечательно!

– Вот и я так думаю – всё было просто замечательно! – сказал он и прошёл в свой кабинет.

Алиса перевела дух. Ну, теперь всё остальное пойдёт легче, начался деловой день.

А он, сильный мужчина, битый матёрый волк, робел перед этой девочкой-златовлаской, которая так неосмотрительно открылась перед всеми. Как она танцевала! Как была счастлива! Кто умён, тот догадался. Не будем думать о чувствах. Они украшают жизнь, но мешают работе. Может, ещё всё обойдётся. Нужно перед собой, перед ней, перед всеми делать вид, что ничего не случилось, ничего не произошло. Хотя Лилька всю обратную дорогу посмеивалась над ним, насмехалась над Алисой и тем выдала себя, показала ему и своему Валере, что ей не всё равно, что нет никого умнее и красивее её. Надо девчонку от неё, этой змеюки, побереечь. Утром она было снова завела свои насмешки, но он так посмотрел, что сразу поняла – надо замолчать. А ему надо прижать Валеру. Тот поймёт сразу...

День прошёл спокойно. И второй день прошёл спокойно. И третий. Да что ж он так разволновался?.. Не из-за себя, из-за Алисы... Затравят девчонку... Надо

же, какое имя выбрала ей эта простушка-мать... Но всё было тихо. Должно быть, у страха глаза велики. Он не знал, что Александра Степановна осаждала шибко ретивых завистливых баб. И всё как-то затихло.

С Алисой он был ровным, спокойным, даже не позволял себе шутить, как иногда прежде. Алиса терялась в догадках, почему он так переменялся к ней, но что ж делать, значит, так надо. Работать надо. Она не догадывалась о своей влюблённости, которую принимала просто за собственную благодарность. Он догадался раньше неё.

А лето разгоралось. Без тёмных очков на улицу не выйдешь, без кондиционера не много поработаешь, спокойно не уснёшь! Алиса собрала денежек, часть взяла взаймы у Александры Степановны и купила кондиционер. Богема Герасимовна ахала и восхищалась, теперь ночи уже не были такими невыносимо жаркими. Можно было жить дальше.

Уже в августе накануне выходных перед перерывом на обед шеф сказал ей, что едет на два дня на базу отдыха, на то прекрасное озеро. Кто-то из его молодых знакомых собирался жениться, вот мужчины решили устроить мальчишник. Ехать ему не очень хотелось, но это был случай, когда надо было присутствовать.

Он сказал, усмехнувшись:

– Надеюсь, что завтра к вечеру я вернусь, вышел я уже из того возраста, когда можно идти в загул на двое суток. А ты, Алиса, не уходи раньше, возможно, позвонят из Германии, посиди подольше. Не бойся, внизу Володя дежурит... Я этого звонка жду.

После перерыва Алиса спокойно занялась делами, и сама с собой пошутила – пока шеф не мешает работать... До конца рабочего дня оставалось примерно полчаса, потом она с часик посидит – вдруг правда из Германии позвонят?! Ну, а потом уж домой! Пожалуй, они ещё успеют съездить на речку искупаться, вон жарница какая! А может, лучше сразу под душ и потом бухнуться в постель под кондиционер? Наконец захлопали двери, окончился рабочий день, народ бодренько разбежался на выходные по домам. Люди шли по коридору мимо приёмной Алисы, махали рукой, прощались – до понедельника!

Чтобы было веселее, она включила свой маленький приёмничек, слушала новости, потом ей надоело, и она решила послушать музыку. Поискала на одной волне, на другой, и вдруг услышала незнакомый мужской голос: «Слышь, Вовка, пойдём купаться, духота невозможная, хоть в речку окунёмся». И голос охранника Володи: «Да нет, Санёк! Я не могу уйти, я же сегодня сутки дежурю, хотя, конечно, на ночь закрываюсь на все запоры и дремлю тут за столом. Мало ли кто позвонит. Да и у самого шефа семь пятниц на неделе, возьмёт да вернётся вечером, я слышал, он Валере говорил: “Так мне неохота ехать, просто сил нет! Устал за неделю, откровенно говоря, спать хочу!” А тот говорит, что надо, мол, неудобно, такой человек сына женит, мальчишник организовал! Столько народу будет, и все наши ребята». Санёк ответил: «Без жён, конечно, любо-дорого, без этих баб, если не считать, конечно, “мочалок”. Давай через часок сходим, искупнёмся. И ваша рыжая уже уйдёт... Она позже всех уходит...» Алиса поняла, что разговаривают по радиотелефонам Володя и его знакомый, как говорила Шурочка, «бандюган» Санёк. Ещё когда распределяли эти радиотелефоны, Алиса отказалась, мол, у меня со всеми хорошая связь, только место на столе будет занимать. Их все и отдали в охрану. А она сейчас нечаянно и попала на эту волну.

– Да ты не знаешь нашего шефа, он в ночь-полночь может приехать и проверить, как охрана дежурит, – упирался Володька.

– А я тебе говорю – сегодня он не приедет! – И помолчав, добавил, понизив голос: – Он вообще больше никогда не приедет!

– Это почему же? – простодушно удивился Володька.

– Да, знаешь, всякие случайности бывают, кто перепьёт и утонет, или отравится, кто свалится в ущелье, всякое бывает...

– Да ну, ты что болтаешь, ещё беду накликаешь! Не будет шефа, фирма развалится, жизнь у людей развалится. Столько народу без работы останется, в наше-то время! И сам он мужик неплохой... справедливый!

– Почему же развалится? Валера подхватит дела!

– По какому праву? Он не наследник, а мальчишке, сыну шефа, только десять лет...

– Да очень просто, он на вдове женится...

– Ты с ума сошёл! Типун тебе на язык! Разве их можно сравнивать – шефа и Валеру-придурка?

– Это он только играет в придурка, а мужик он острый! Ладно, не болтай, я пошутил! Наши ребята туда поехали, а меня оставили на связи. А жалко, интересно же! Я бы посмотрел, как дело развернётся!

Алиса отключила приёмник, её колотила дрожь. Где-то здесь у Шурочки был пузырёк с валерьянкой. Ага, вот он! Алиса налила треть стакана воды, накапала, не особо считая, капель тридцать – руки у неё тряслись, выпила сразу, посидела в тишине, положив голову на скрещённые руки. Минут через двадцать стало легче.

Что делать?! Что делать-то?! Ехать туда надо. Срочно! И непременно до темноты надо туда попасть. А что говорить? Срочный звонок из Германии! Они возражают против срока поставки и просят разрешения поменять тип массажных столов, кроватей. Просят срочно позвонить, у них же там время часа на три позже. Заказ нужно срочно передать на завод. Ладно, ещё чего-нибудь сокру! Связи с Германией оттуда нет, надо ехать в город. Хорошо, что она сегодня на машине.

Она набрала номер телефона Богемы Герасимовны. Трубку схватила Юлечка. Горло у Алисы перехватило спазмом: вернётся ли она оттуда живой-здоровой?

– Алё! Алё! – кричала Юлечка.

– Доченька, позови к телефону Богему Герасимовну!

– Да-да, я слушаю, джаник! Приходи скорее, у меня пирог с абрикосами остывает! Тебя ждёт!

– Богема Герасимовна! Мне надо срочно съездить на базу отдыха, если я до темноты не успею вернуться, то приеду завтра.

– Конечно, джаник! Я понимаю, надо, значит, надо! Не волнуйся, у нас всё в порядке. Сейчас мама твоя должна подойти на ужин.

– Привет мамочке! – И, помолчав несколько мгновений, добавила: – Я вас всех очень сильно люблю! Целую и обнимаю!

– И мы тебя тоже, джаник, любим и обнимаем!

Алиса положила трубку: долгие проводы – лишние слёзы...

Так... Прежде всего надо заправить бензином бак и полную канистру с собой в багажник... Да-да, я знаю, какое там страшное место.... Но я не буду смотреть в ту сторону, буду ехать ближе к скале. Всё будет хорошо, Алиса! Может быть, он

обсмеёт меня с головы до ног, может, уволит за враньё о Германии. Ну и пусть. Это лучше, чем сидеть здесь и ждать, чем дело кончится...

На выходе, понутив голову, сидел за столом Володя. Протянула ему руку. Он не был врагом. Но сейчас ничем не мог ей помочь. Рука у него дрожала.

– Всё будет хорошо, Володька! Какие два замечательных выходных впереди! Ночью подремать можешь!

– Да... Подремлешь тут...

Алиса видела, что он колеблется, рассказать ей разговор с Санькой или нет. Но, видимо, решил, что девчонка ничего не поймёт. А потом он знал, что Санька – трепач и хвастун, может, сочинил всё. А она не стала ему говорить, что поедет на базу отдыха. Как говорила её деревенская бабушка: «Слово – серебро, а молчание – золото».

* * *

Краснопламенный «москвичонок», «Красный Конь», отлаженный, оглаженный, обласканный, можно сказать, вылизанный на автобазе бригадой Игоря, летел по хорошей асфальтированной дороге, как птица. «Ах, ты, ласточка моя! – думала Алиса. – Ах ты, моя умница!» Машина не просто слушалась, а как будто угадывала нужные повороты, объезды, чуть влево, чуть вправо, замедляла ход, набирала скорость! «Ой, надо Игорю подарок купить! – подумала Алиса. – Только что?!» Ладно, как говорила её любимая Скарлетт: «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Незаметно, совсем незаметно прошёл час удобной дороги, и вот он начался, этот участок возле ущелья. И тут Алиса сжалась мокрым воробышком. Потом разозлилась на себя, вдруг вспомнила и проговорила вслух своё детское заклинание: «Я не боюсь тебя! Я сильнее тебя, я с тобой справлюсь, я сильнее! Сильнее, умнее тебя!» И ей стало легче. Машина шла, послушно слушалась руля, но Алисе казалось, что это она ползёт по-пластунски, преодолевает опасное место. И проползла! Ура! Вот наконец первый поворот направо, да-да, она помнит это корявое дерево! За широкой полосой дороги – вот оно, ответвление к озеру. За поворотом дорога уже расширилась, ущелье отъехало куда-то далеко влево, и Алиса поехала дальше. Кажется, там было несколько поворотов. Но дорога с поворотами была только одна – заблудиться трудно! А вот оно, это замечательное озеро, зеркало, в которое смотрятся заросшие деревьями горы!..

Она подрулила к воротам, не стала въезжать внутрь, поставила машину возле ограды и заглушила мотор. Посидела, отдыхая и набираясь внутренних сил для своего появления на базе.

Теперь надо как-то заявить о себе. Перекрестившись, прошептала: «Господи, помоги мне!» – и вошла в ворота. По двору навстречу ей мчался повар в белом халате, двумя руками удерживая огромный поднос с рядами уложенных с пылу с жару шашлыков. Голодная Алиса сглотнула слюну. Да, неплохо бы...

Человек добежал до Алисы, остановился и спросил:

– А чего это ты тут делаешь, красавица? У нас сегодня мальчишник!

– Знаю! Я бы и не приехала, если бы не срочное дело. Где я могу найти Германа Николаевича?

– Да он в предбаннике сидит, отдышаться не может, а его опять в парную засовывают. Перепились все! Всё-таки с женщинами порядку больше! А то прямо свинство какое-то!

– А баня – это там, в том конце?

– Да, там. Девушка, да вас туда вряд ли пустят!

– Посмотрим!

Уняв дрожь, она быстрым уверенным шагом пошла к бане. Там, видимо, был перерыв, дверь открыта настежь, и помещение после первого помыва проветривалось. Внутри гомонили мужские голоса.

У входа ей встретился Валера – спасибо, в плавающих, – и изумлённо вытаращил на неё глаза:

– А ты откуда?

– Из города.

– Зачем?!

– Надо решить срочный вопрос с Германией насчёт замены моделей, сроков отправки и ещё что-то...

– Так скажи мне, чего шефа беспокоить. Я всё решаю.

– Нет, – мило улыбаясь прямо в его ненавидящие глаза, сказала Алиса. – Это очень конфиденциальный разговор, и они меня даже не информировали, а говорить хотят только с ним. – И, не оглядываясь на Валеру, быстро вошла в предбанник и закричала: – Герман Николаевич! Срочное, неотложное дело! Это Алиса! Прошу на выход! Я вас здесь жду!

На какое-то время в помещении воцарилось молчание, затем закутанный в цветастую махровую простыню медленно, словно не вышел, а выполз шеф.

– Ну, что тут случилось? – пробурчал он.

И Алиса опять затарахтела про срочный звонок из Германии. Из-за перемены моделей и ещё... Она уверенно несла какую-то пургу, вворачивая немецкие термины, которые сама не понимала, и никто не понимал. Какой-то мужчина вынес его вещи – брюки, туфли, футболку, шляпу.

– Где машина? – буркнул пьяный и недовольный шеф. – Отдохнуть человеку не дадут!

– Да твоя машина в гараже стоит, что-то там починяют! – со злостью и отчаянием крикнул Валера. – Подождать надо!

– Нет! – твёрдо, резко и даже несколько скандально крикнула Алиса. – Ждать нельзя, моя машина стоит у ворот!

И она, подхватив у мужика одежду шефа, прямо в простыне потащила его другой рукой к воротам. На удивление, он шёл быстро и уверенно, и на пьяного был не похож.

– Быстро надо, быстро! Там в Германии поезд под парами, отправлять или не отправлять?! Они не могут без согласования! – вдохновенно и истерично врала Алиса.

И так это получилось ловко, быстро, что опомниться никто не успел, а Алиса и её шеф уже уселись в красный «москвич», которому никто не мешал развернуться, и рванули по дороге от базы отдыха. Алиса вдруг подумала: «Завтра придётся увольняться – ведь какую я ему малину испортила!» Шеф молчал, как будто подрёмывал. Молчала и Алиса. Чего уж теперь!

Они выехали из лабиринта на главную дорогу, которая шла из города и ещё дальше в горы к какому-то перевалу, где тоже была какая-то спортивная турбаза. Алиса ещё там и не была, и дороги туда не знала, но шеф вдруг открыл глаза и совершенно трезвым голосом сказал: «А теперь поворачивай направо!» Хотя в

город надо было налево. Она послушалась и поехала направо. Дорога была такая же, как и к озеру: узкая, асфальтированная, укрытая высокими деревьями. Через некоторое время Алисе показалось, что это призрак в наступивших сумерках – навстречу им ехал и весело бибикал такой же, как у них, красный «москвич». За рулём сидел светловолосый кудрявый парень, рядом с ним – грузный темноволосяный армянин. Алиса догадалась, что это второй счастливый владелец красного «москвича».

– Езжай медленнее, – сказал шеф.

Алиса подчинилась. Так они ехали минут десять, пока не увидели справа узкую ровную ложбинку, уходящую в глубь леса.

– Остановись! – сказал он. – Вылезай из машины!

Она подчинилась. Он тоже вылез, всё ещё в простыне, и Алиса, несмотря на всю несуразность ситуации, не могла сдержать улыбки. Он пошел вдоль ложбинки, скоро вернулся, сел за руль, сказал: «Поехали!» – и они продвинулись ещё метров на десять дальше. Теперь с дороги их совсем не было видно, и встали они на довольно широкой, удобной для машины полянке.

– Всё, – сказал он, – теперь можно отдохнуть.

И Алиса вдруг начала плакать, подвывая, со всхлипами, слезами и соплями.

– Ну, будет, будет, хватит! Всё! Ты сейчас отдохни, а потом мне всё про Германию расскажешь. – И тихо засмеялся.

Так они и сидели в машине – она плакала, а он смеялся. У каждого человека своя реакция на стресс.

В лесу стало быстро темнеть. Герман Николаевич открыл багажник, вытащил канистру с бензином, одобрительно сказал:

– Запасливая! – Потом скомандовал: – Не поворачивайся! – и надел наконец свои брюки, футболку, кроссовки. Снова скомандовал: – Выходи из машины!

И когда она вышла, разложил сиденья в машине, постелил обнаруженное под задним сиденьем какое-то старенькое тонкое одеяльце, на котором когда-то гладила молодая Богема Герасимовна.

Потом что-то поколдовал, подвигал и сказал:

– Постель готова, сударыня! Нам надо ночь перекантоваться здесь. Ночью опасно ехать.

Они улеглись. Алиса, по сравнению с ним маленькая и худенькая, уместилась вполне прилично. Шефу было тяжело с поджатыми ногами. Но всё-таки как-то улеглись. В машине постепенно стало теплеть, и Алиса перестала дрожать от холода, или от страха, или от всего вместе.

Они лежали спиной друг к другу и молчали.

– Так что ты придумала там с этой Германией? – спросил он.

Она молчала. Он приподнялся на руках, заглянул ей в лицо. Алиса спала. Всё! Она своё дело сделала. Он тихонько улёгся и тоже задремал, но заснуть так, как рухнула в сон Алиса, у него не получалось. Под утро стало холодать, и он слышал, как она повернулась во сне и прижалась к его спине, как к печке. Он улыбнулся и снова задремал. Пусть поспит, потом всё расскажет.

Их разбудил щебет птиц. Было ещё очень рано, солнце едва всходило, ещё, как следует, и не пробилось сквозь полумрак деревьев.

– Доброе утро, Алиса!

– Доброе утро, Герман Николаевич!

– Вот там левее небольшой чистый родничок. Ты можешь там умыться... привести себя в порядок. Там даже кружка есть. Это для избранных – кто знает... Я знаю его с десятого класса. Я в твою сторону не смотрю.

Она встала, вылезла из машины. И действительно, вскоре нашла прозрачный чистый родник. Вода была чистейшая, ледяная. Сначала она напилась этой воды и теперь могла точно сказать, что такой вкусной воды ещё не пила ни разу в жизни. Потом умылась, сняла кофточку, юбку, лифчик, облилась из кружки водой. Вытерлась носовым платком, причесалась. И сразу куда-то делись и сонливость, и усталость, и забота – будь что будет!

Подошла к машине, улыбаясь, сказала:

– Теперь вы, Герман Николаевич!

Он вернулся быстро, поставил кресла в сидячее положение, сел за руль. Она села рядом.

– Ну, что ж! Можно ехать. Или ты мне сначала расскажешь, что это с тобой вдруг случилось?!

– Сначала расскажу. Может, вы меня тут бросите помирать... в наказание за подозрительность. Во всяком случае, я готова подать заявление на увольнение, возможно, я всё не так поняла, ошиблась. Ну, вот, судите сами...

– Я слушаю тебя внимательно.

И она рассказала всё, с самого начала: как услышала по приёмнику разговор Володьки с Саньком, как испугалась. А ведь, возможно, это была просто шутка. А она предупредила Богему Герасимовну, заправила бензином и помчалась на базу.

– Сейчас я понимаю, что это моя глупость, наверное. Мне в это не верится... Ну, судите, как можете. Я и сама себе удивляюсь, что со мной произошло, как будто мне кто-то подсказывал, что надо делать и говорить. Мне не было страшно и ехать, и врать, а сейчас страшно быть посмешищем перед вами, перед Валерой и другими. Ну, может, кто и поверит, что вас срочно вызвали. Это было бы самое лучшее... Я готова ко всему.

– Алиса, ну что я могу тебе сказать?! Знаю точно только одно: мне очень не хотелось ехать на этот мальчишник. Но мужики стали меня подзуживать, особенно Валера, мол, старый стал, поедем, гульнём хоть разок. Не думаю, что это был заговор всех против меня, но кое-что сделать с человеком во время такой пьянки-гулянки, конечно, можно. Знаю, что вроде бы в баню должны были к вечеру баб каких-то привезти для веселья. Но, слава Богу, их ещё не было, когда ты появилась, – я бы со стыда сгорел. Я не ангел, конечно, но и не бабник же до такой степени. А то, что напоить меня хотели, – это я понял. По возможности проливал под стол. Ну, уволить я тебя не уволю, где я ещё такую золотую найду! Но надо мне самому как-то потихоньку поговорить хоть с тем же Володькой. Я тоже слышал, что он связан с каким-то криминалом, но, может, это они от него никак не хотят отцепиться.

После разговора стало легче. Даже перекусить чего-нибудь захотелось, но это уж только в городе. Он развернул машину, осторожно выехал из ложбинки, и они покатали теперь влево, в город, и как хорошо было Алисе сидеть простым беззаботным пассажиром! Было ещё очень рано, всего шесть утра, дорога свободная, прозрачный чистый воздух, никаких встречных машин. Красота! Подъезжая к ущелью, шеф снизил скорость, поехал медленно и вдруг остановился возле не-

скольких сбитых дорожных столбиков. Вышел из машины, строго приказал ей: «Сиди!» А сам осторожно подошёл к краю ущелья, заглянул вниз.

Внизу ущелья на уступе вверх колёсами лежал красный «москвич». Чуть выше лежал на спине, видимо, успевший выпрыгнуть светловолосый парень. Герман Николаевич впрыгнул в машину, развернулся и помчался в обратную сторону.

– Что там?! Почему вы не разрешили мне смотреть?! Куда мы едем?!

– Мы едем на озеро, там на базе должна быть рация. Если бы ты знала, как с ней связаться, тебе не надо было бы так далеко ехать. Сейчас вызовем спасателей и скорую!

У Алисы перехватило горло. Значит, она не ошиблась. Кто-то погнался за красным «москвичом» и столкнул его в ущелье. И жалкая надежда – а может, они сами упали? Водитель неопытный или темно уже было... Могло ведь так быть? А внутри молоточком отстукивало сердце: нет... нет... нет, нет... Их туда столкнули...

На базу смотреть было страшно – заплёвано и заблёвано... Погуляли мужики! Валера дрых без задних ног, и его было не добудиться. Он только мычал, приоткрывал осоловелые глаза, потом голова падала, и он снова засыпал. Невменяемый... Герман Николаевич пошёл в радиорубку, разбудил радиста, и сам говорил с милицией и скорой помощью. Они могли ехать. И поехали. Опять-таки на машине Алисы – водитель машины шефа валялся поперёк кровати беспробудно пьяный. Уже на полдороге в город их встретили издалека требовательные гудки мчащейся милицейской машины и белой машины с красным крестом. А ведь это они могли лежать там на дне ущелья... Какой умница, этот её шеф – они спрятались в лесу. Значит, он ей поверил сразу.

В городе Алиса высадила шефа возле его дома, сама села за руль, поехала домой.

Богема Герасимовна, увидев её, ахнула:

– Что с тобой, дитя моё?! На тебе твоего лица нет!

– Всё нормально, всё хорошо, дорогая моя! Всю ночь комары кусали, можно я посплю?!

– Конечно, джаник, душенька моя! Ложись, спи!

Алиса плюхнулась в постель и спала до полудня.

Во второй половине дня Алиса съездила на мойку, выбила, вычистила ковры на креслах, вымыла машину. Попросила Игоря заглянуть под капот, в мотор. Всё было отлично. В воскресенье двумя машинами вместе с Игорем, Шурочкой и маленьким Витюшкой, их сыночком, они поехали купаться, и любо-дорого было смотреть на деревья, на солнце, на людей, на магазины, на весь белый свет, есть мороженое, смеяться и радоваться. Алиса думала: «Что же ещё нужно человеку для счастья? Ты сыт, здоров, тебя любят, ты растишь детей, у тебя ещё живы родители. Что ещё, какие блага нужны тебе для счастья, безумное ты существо!.. Хочешь быть умней всех, богаче всех, счастливей всех?! Так не бывает! Кто-нибудь в чём-то тебя превосходит, обязательно! И это замечательно, чтоб ты сильно не гордился, козьячка человеческая...»

Домой они приехали к вечеру, весёлые, усталые. Приняли душ, бухнулись спать! Жить хорошо! Утром в понедельник Алиса проснулась раньше всех, выбрала лёгкое летнее платьице на работу, сумочку к нему, босоножки. У Алисы был какой-то особенный, природный вкус. Косыночку простую повяжет,

вроде бы ничего особенного, а глядь – весь наряд от косыночки заиграл! Всеми силами она старалась не показывать вида, как ей тяжело, страшно, неловко идти на работу, видеть Володьку, Валеру, молчать и слова не сказать Александре Степановне. Нельзя... Как себя вести? Действительно ли Валера имеет к этому ужасу отношение?.. Кажется, впервые в жизни ей так не хотелось идти на работу...

Она пришла на работу, пожалуй, позднее всех, Валера со слегка опухшим лицом отпустил по этому поводу шуточку, и она нашла в себе силы улыбнуться. Прошла оперативка, на которой она не должна была присутствовать. Начальники участков расходились, разъезжались по своим рабочим местам, Валера ушёл в свой кабинет, и она со вздохом облегчения осталась в приёмной одна.

Шеф сидел в кабинете и не вызывал её, и она немножко оробела – может, что-то не так сделала?

Зазвонил звонок, и вполне интеллигентный голос сказал:

– Я звоню в приёмную Германа Николаевича? Вас, кажется, Алиса зовут?

– Да, вы верно позвонили...

– С вами хотят поговорить. Пожалуйста, не кладите трубку.

Трубку взял другой человек и каким-то хриплым гнусным голосом стал говорить:

– Слушай, ты, падла, паскуда, сука сторожевая, хозяйская! Если ты хоть ещё раз вмешась в наши дела, помни, что ты не одна, что твою старуху-армянку мы порежем на кусочки, твою мать ещё можно пустить по кругу, десяток мужиков её сразу поимеют, а уж дочку свою ты больше никогда можешь не увидеть, что с ней сделают – ты сама можешь представить! Запомни, что тебе говорю, сука, и делай, что тебе скажут, неделки через две.

У Алисы закружилась голова, подкосились ноги. Она нашла в себе силы, встала и пошла в кабинет к шефу. Она не знала, зачем, но некуда больше было ей идти.

Она открыла дверь и услышала конец разговора:

– Засекли? Ну, молодцы! Сейчас возьмёте? Ну, спасибо! За мной не заржавеет!

И тут он увидел Алису, входящую в кабинет. Она падала с ног, он бросился к ней и подхватил её на руки. Он слышал весь разговор, и полицейские уже едут туда, откуда был телефонный звонок. И он уж побеспокоится, чтобы с этим было покончено.

– Милая моя! Девочка моя! Ты вчера спасла меня от смерти! Я же понимал, что вряд ли выберусь оттуда живым. Народу там было много. Но это и очень хорошо для прикрытия преступления. Неужели я отдам тебя и твоих родных на растерзание?! Не бойся ничего, я сумею защитить вас всех! Ведь я люблю тебя бесконечно, всю жизнь мою ты перевернула, девочка моя любимая!

Она молчала, только прижималась к нему крепко-крепко, словно хотела быть с ним одним человеком.

* * *

С тех пор прошло лет десять. Недавно я встретила Алису в холле большого магазина. Она не сразу меня увидела, и я издали рассмотрела её и поразилась, как изменилась эта стрекоза. Высокая, стройная женщина, чудесная фигура: тонкая талия, округлившиеся по-женски плечи, пополневшая грудь, по-прежнему

высокая шейка, подобранные в скромную, но очень красивую причёску волосы. Стройные ноги, туфли на высоких каблуках, тонкие щиколотки. На ней был красивый шёлковый костюм опять-таки в серо-зелёных тонах, оттенявших её выразительные глаза цвета незрелого крыжовника. А улыбка, милая улыбка, которая осветила её лицо, когда она увидела меня! Ах, какая женщина! Сколько же ей? Лет тридцать пять, пожалуй!

Да, много воды утекло с той поры, много чего изменилось! Герман Николаевич развёлся с женой, оставив ей и квартиру, и магазин, которым она управляла. Говорили, что он также вернул ей деньги, когда-то вложенные её отцом в фирму. И дела у неё пошли очень удачно. В трудных случаях она обращалась за помощью к бывшему мужу, и он никогда ей не отказывал в помощи и совете. Он уволил Валеру, и тот некоторое время крутился без работы – бесконечно обаятельный и никому не нужный человек. Наконец Лилия Георгиевна взяла его на работу в свой магазин. И он как-то притих, посерьёзней, не слышно было про его бесконечных женщин. А может, он и врал про них для красного словца. Сын шефа сначала жил вместе с матерью, но по мере взросления всё больше тянулся к отцу. Алиса несколько лет не решалась официально связать с Германом Николаевичем свою жизнь. Работала у него заместителем, вместо Валеры. И гораздо удачнее. С Владом она рассталась, оставив ему подмосковную квартирку, чем пресекла дальнейшее попрошайничество и жалобы. Говорили, он живёт с какой-то женщиной, кажется, даже с их соседкой Валей. Ну и замечательно, она женщина сильная, у неё не забалуешь! И ему долго и далеко искать не пришлось. Удобно – всё рядом. А что делать, куда идти, чем заняться – это ему Валя скажет.

Герман Николаевич выстроил для своей семьи красивый особняк, в котором нашлось место и для Богемы Герасимовны. Силёнок у неё уже маловато, но присматривает за ней специальная сиделка Ольга, с которой они очень подружились. У Юлечки есть своя очаровательная девичья комнатка. Года через три она окончит школу, но куда идти учиться, она ещё не решила. Ещё есть время подумать. Она очень похожа на Алису, только волосы светлые. Блондинка. У Коли, сына Германа Николаевича, тоже своя комната. Коля увлекается Интернетом, всё что-то мастерит, придумывает, изобретает. Отец пристроил к дому специальную мастерскую для него. А Катерина Матвеевна вышла-таки замуж за вдовца, бывшего главного бухгалтера ЖЭКа. Они живут в его доме с садом и огородом, и Катерина Матвеевна не скрывает своего счастья.

Ну вот, как-то мои персонажи успокоились, каждый нашёл своё место в жизни. А сколько людей в городе? А в стране? А в мире? И у каждого свои проблемы, свои беды и радости, свои надежды, успехи и промахи. И про каждого человека можно написать роман. Такая вот интересная человеческая жизнь... Ламбада...

